

С 50
193

801-12
1299

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ЗЕМЛЯ“ ❀❀❀

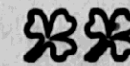
Н. А. РУБАКИНЪ.

ДВѢ КОНСТИТУЦІИ

ТУРЕЦКАЯ И
РОССІЙСКАЯ

(МИДХАТЬ-ПАША, ЛАССАЛЬ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА).

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литогр. „Герольдъ“, Вознесенскій пр., 3.

1906.

Двѣ конституціи турецкая и російская.

(Мидхатъ-паша, Лассаль и Государственная Дума).

(Историческая параллель).

Въ 1906 году султанъ Абдуль-Гамидъ, а, вмѣстѣ съ нимъ, разумѣется, и его „возлюбленный народъ“, и „вся“ Турція, будутъ праздновать своеобразный и, насколько намъ извѣстно, никогда еще не виданный въ новѣйшей исторіи юбилей—юбилей существующей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не существующей конституціи, юбилей дарованія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отобранія широкихъ политическихъ правъ, юбилей мирнаго сожительства чисто-азиатскаго абсолютизма съ „европейскимъ“ конституціонализмомъ, юбилей цѣлаго потока широковѣщательныхъ и сладкихъ „новыхъ“ словъ и такого же потока архаическихъ и беззастѣнчивыхъ дѣлъ, иной разъ многимъ напоминающихъ (какъ, напримѣръ, избіеніе армянъ въ Малой Азіи и въ Константинополѣ) времена Тохтамыша и Тамерлана. Говорятъ, исторія учитъ, а потому о приближеніи знаменательнаго турецкаго юбилея, думается намъ, слѣдуетъ напомнить и русскимъ читателямъ и поставить передъ ними слѣдующій вопросъ: нѣтъ-ли чего общаго, и что есть различнаго между турецкой конституціей, съ одной стороны, и русской

Государственной Думой, измышленной г.г. Булыгинымъ и графомъ Витте,—съ другой.

* * *

Какъ извѣстно, 30 лѣтъ тому назадъ турецкое правительство переживало очень тяжелыя времена. Непрерывныя возстанія христіанской „райи“, захватившія обширный районъ европейской половины государства, война съ Сербіей и Черногоріей, при негласномъ содѣйствіи имъ со стороны Россіи и Австріи, происки „крамольниковъ“ внутри государства, довольно быстро идущій ростъ такъ-называемой „молодой Турціи“, добивающейся коренныхъ реформъ внутри страны, вѣчная боязнь если не уличныхъ волненій, то дворцовыхъ переворотовъ, далѣе—чрезвычайно серьезныя финансовыя затрудненія и интриги иностранныхъ пословъ, дипломатическія пререканія и „недоразумѣнія“, висящія надъ головой, словно дамокловъ мечъ, вмѣшательство иностранныхъ державъ во внутреннія турецкія дѣла, и, наконецъ, непрерывный и неудержимый ростъ аппетита у всѣхъ власть имущихъ, начиная отъ самого султана и окружающихъ его „эркіани-девлетъ“ (что значитъ по русски „столпы отечества“) и кончая цѣлымъ племемъ „последнихъ сихъ“, приспособившихся къ тому же сытному пирогу и, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, грѣбущихъ руки около того же Дивана и того же падишаха, при полномъ истощеніи народа, съ котораго нечего взять,—такова картина турецкаго разоренія и смуты,—той самой смуты, которую турецкія газеты того времени обязаны были, подѣ страхомъ смертной казни, величать успокоительнымъ названіемъ „турецкаго благополучія“, дабы „не производить излишняго волненія умовъ“. Но какъ бы тамъ ни называли эту смуту, во всякомъ случаѣ, изъ затруднительнаго положенія, угрожающаго уменьшеніемъ земныхъ благъ, поступаться которыми по доброй волѣ въ исторіи, какъ извѣстно, не принято, необходимо было искать хоть какого-нибудь, даже временнаго выхода, слѣдуя мудрому правилу зарвавшихся должниковъ, которымъ всегда бываетъ очень выгодно выбросить грошъ, чтобы спасти для себя рубль. Словомъ сказать—для

турецкаго абсолютизма наступилъ такой моментъ, когда ему приходилось чѣмъ-нибудь поступиться, чтобы продлить, насколько возможно, свое существованіе. Къ сожалѣнію, султанъ Абдуль-Азисъ, привыкшій получать изъ народной казны ежегодно по 63 милліона франковъ на свои собственные расходы и заниматься больше своимъ гаремомъ изъ 900 красавицъ-женъ, чѣмъ государственными дѣлами, не питалъ никакой склонности даже къ самымъ скромнымъ реформамъ. Его нисколько не смущало и то обстоятельство, что въ 1875 году въ государственномъ казначействѣ вовсе не оказалось денегъ для уплаты процентовъ по заграничнымъ долгамъ. Не смущало его и то, что Турція, т. е. турецкое правительство, должно было объявить себя, въ концѣ-концовъ, банкротомъ и уплачивать половину процентовъ купонами, подлежащими оплатѣ не ранѣе, какъ черезъ 5 лѣтъ. Но эти самыя государственныя неурядицы, не смущавшія султана, смущали, на его несчастье, довольно многихъ другихъ правовѣрныхъ. Въ результатѣ,—недовольство около трона росло, расходясь при этомъ кругами во всѣ стороны. Не безъ содѣйствія „коварной англичанки“, обстоятельства выдвинули и приблизили къ трону одного изъ представителей „молодой Турціи“, знаменитаго своею политической смѣлостью и своею трагической судьбой Мидхата-пашу. Какъ извѣстно, это былъ либераль на турецкій манеръ, мусульманинъ, образованный на англійскій ладъ, и, повидимому, челоуѣкъ, довольно безкорыстно преданный дѣлу турецкаго освобожденія. Причудливый произволъ Абдуль-Азиса, чопорно величавшаго себя, по примѣру всѣхъ турецкихъ султановъ, „главою правовѣрныхъ“ и „тѣнью Аллаха на землѣ“, его необычное даже для турка пристрастіе къ гуріямъ магометова рая и необычная, даже для турецкаго султана, расточительность—сдѣлали свое дѣло: вышло какъ-то такъ, что нѣкоторые правовѣрные перестали молиться за долготѣіе Абдуль-Азиса. Другіе пошли еще дальше и стали даже очень недвусмысленно роптать, третьи не удовольствовались и этимъ и рѣшили, что необходимо „взять исторію въ свои собственные руки“. Въ числѣ этихъ третьихъ былъ и Мидхатъ-паша, и шейхъ-уль-исламъ (духовный глава вѣры), и ми-

нистры „аркіани девлеть“, и нѣкоторыя другія лица. И вотъ, въ одинъ прекрасный майскій день совѣтъ министровъ постановилъ низвергнуть Абдуль-Азиса съ османскаго престола. Какъ водится, этому дѣянію, вовсе не предусмотрѣнному турецкими основными законами, тѣмъ не менѣе, тотчасъ же подыскались и юридическія, и даже богословскія оправданія. Шейхъ-уль-исламъ, покопавшись какъ слѣдуетъ въ архивахъ своихъ мыслей и чувствъ, затѣмъ въ Коранѣ, а главное—въ турецкой исторіи, не нашелъ въ низложеніи Абдуль-Азиса ничего особенно незаконнаго и опубликовалъ слѣдующую фетву, т.-е. постановленіе: „Если повелитель правовѣрныхъ доказываетъ свое безуміе, если онъ не имѣетъ политическихъ знаній, необходимыхъ для управленія государствомъ; если онъ дѣлаетъ личныя издержки, которыхъ государство не можетъ вынести, если его пребываніе на тронѣ грозитъ гибельными послѣдствіями, то нужно-ли его низложить или нѣтъ? Законъ гласитъ: „Да!“ *). Нѣсколько высшихъ должностныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ находился и Мидхатъ-паша, по приказанію военнаго министра Гуссейна Авни-паши и подъ его личнымъ надзоромъ, вошли въ комнату султана вмѣстѣ съ толпой евнуховъ и дворцовыхъ служителей, которые, ничтоже сумняшеся, схватили за руки и за ноги своего повелителя и, по всѣмъ правиламъ науки, стали поливать его хлороформомъ. Тутъ же присутствовалъ главный придворный докторъ, который, замѣтивъ, что Абдуль-Азисъ заснулъ, взялъ заблаговременно захваченныя съ собою ножницы и, тоже по всѣмъ правиламъ науки, перерѣзалъ Абдуль-Азису пульсовыя жилы на рукахъ. Такъ наступила перемѣна царствованія, а за нею, какъ всегда бываетъ въ абсолютистскихъ государствахъ, перемѣна лицъ и вѣяній и тому подобное вливаніе новаго вина въ старыя мѣха. Какъ водится, на другой же день послѣ этой перемѣны по всему свѣту полетѣли официальные и неофициальные телеграммы, возвѣщавшія, что „его величество падишахъ, въ припадкѣ умопомѣшательства, къ великому прискорбію своихъ вѣрноподанныхъ и всего свѣта, самъ лишилъ себя жизни.“

*) Ст. В. Водовозова, Энци. слов. Брокгауза.

Но не успѣлъ еще покончить съ жизнью одинъ падишахъ, страдавшій умопомѣшательствомъ, и не успѣлъ еще застыть его трупъ, какъ на престолъ османовъ уже вступилъ другой, именно Мурадъ V, у котораго было констатировано то же явленіе, т.-е. душевное разстройство, съ тѣмъ только отличіемъ отъ предыдущаго, что у Абдуль-Азиса оно проявилось при содѣйствіи основныхъ законовъ Турецкой имперіи, способствующихъ моментальному удовлетворенію всѣхъ чаяній и хотѣній самой ненасытной души, а у Мурада V то-же самое явленіе развилось еще до вступленія на престолъ.

Такъ одинъ умопомраченный смѣнилъ другого, и притомъ безъ всякаго особеннаго ущерба для обширной страны, въ которой насчитывалось не меньше 25-ти милліоновъ обитателей, и къ крайнему удовольствію турецкихъ тайныхъ и не тайныхъ совѣтниковъ и разныхъ должностныхъ лицъ, чающихъ для себя движенія воды, хотя бы даже самой мутной...

Какъ извѣстно, Мурадъ V былъ совершенно больной человѣкъ. Но душевное разстройство не только не мѣшало ему сдѣлаться самодержавнымъ главою все еще громадной имперіи и безотвѣтно и безотчетно взять въ свои руки судьбу многихъ милліоновъ людей и всей страны, а даже оказалось весьма удобнымъ для сановниковъ, стоящихъ около государственныхъ дѣлъ. Самодержавный помѣшанный Мурадъ, сидя на тронѣ османовъ, дѣлалъ обычное дѣло всѣхъ самодержавныхъ и даже конституціонныхъ монарховъ: онъ царствовалъ, но не управлялъ,—за него дѣйствовали другіе. Врядъ-ли нужно доказывать, что, вслѣдствіе такой перемѣны лица, положеніе дѣлъ, въ сущности, нисколько не перемѣнилось, и государственныя дѣла продолжали идти старымъ ходомъ, разнаго рода затрудненія продолжали прогрессировать, и старушка Исторія продолжала дѣлать свое дѣло, увеличивая смуту и громоздя затрудненія на затрудненія.

Съ турецкимъ абсолютизмомъ случилось то же, что случается со всякими другими абсолютизмами. Какъ говоритъ Лассаль,—„несмотря на всю свою неподатливость, абсолютизмъ вовсе не желаетъ влачить сомнительное существованіе. Для продленія, насколько возможно, своего существованія, у него

имѣется только одно средство. Средство это—*лжеконституционализмъ*. Сущность его заключается въ слѣдующемъ. Абсолютизмъ даетъ конституцію, въ которой права народа и его представителей *не обезпечены никакой реальной гарантіей*. Такой конституціей абсолютизмъ уже заранѣе отнимаетъ у представителей народа частью возможность, частью желаніе стать въ независимое отъ него положеніе, а въ концѣ-концовъ ставитъ себѣ за правило—считать несуществующимъ всякое независимое постановленіе народныхъ представителей, если только оно противорѣчитъ его желаніямъ. (Лассаль— „Сущность конституціи“).

Подъ давленіемъ затрудненій и смуты, о которой шла рѣчь выше, абсолютизмъ, естественно, допустилъ вмѣшательство либерала Мидхата-паши въ устройство своихъ собственныхъ дѣлъ. И вотъ, подъ покровомъ абсолютизма, выплылъ на сцену турецкой исторіи лжеконституционализмъ, какъ сильно дѣйствующее средство и противъ внутреннихъ, и противъ внѣшнихъ затрудненій. Имѣть дѣло съ помѣшаннымъ Мурадомъ V и дѣйствовать отъ его имени, „упраздняя“ абсолютизмъ, все же оказалось неудобнымъ. Вершителямъ тогдашнихъ судебъ Турціи волей-неволей пришлось взяться за низложеніе и Мурада, что и было благополучно исполнено. На мѣсто Мурада на престолъ Османовъ вступилъ нынѣ благополучно царствующій Абдуль-Гамидъ. Мидхатъ-паша и его сообщники и единомышленники рѣшили воспользоваться удобнымъ случаемъ и преподнесли на подпись новому султану своего рода „Великую хартію вольностей“ (Magna charta libertatum).

Какъ разъ въ это самое время въ Константинополѣ заседала „подготовительная конференція европейскихъ посланниковъ“, которые, пользуясь явнымъ и тайнымъ разложеніемъ турецкаго государства, даже не сочли нужнымъ пригласить на свой совѣтъ, на которомъ они рѣшали судьбы Турціи, турецкаго уполномоченнаго и пришли уже къ опредѣленному рѣшенію относительно цѣлаго ряда крайне важныхъ реформъ турецкаго государственнаго строя, имѣвшихъ въ виду не только благо турецкихъ христіанъ, но и другихъ „вѣрноподанныхъ“ и, несомнѣнно, нарушавшихъ прерогативы султана въ его „собственномъ государствѣ“. Кромѣ того, всѣ эти реформы

должны были вводиться подъ надзоромъ европейскихъ державъ и европейской охранной стражи. Такого рода рѣшительная мѣра, какъ это показываетъ исторія того времени, была ни чѣмъ инымъ, какъ просто на просто попыткой такъ-называемой „Европы“ подчинить турецкое правительство онекъ правительствъ иностранныхъ. Мидхатъ-паша, да и самъ новый султанъ, отлично понимали, что такого рода вмѣшательство чужестранцевъ во внутреннія турецкія дѣла, въ концѣ-концовъ, должно привести къ потерѣ полной самостоятельности османовъ.

Какъ видно изъ дальнѣйшихъ событій, Абдуль-Гамидъ вовсе не раздѣлялъ либеральныхъ взглядовъ Мидхата и крѣпко-накрѣпко держался за свой кусокъ. Къ нему болѣе, чѣмъ къ кому-либо, подходили и подходятъ слова Іосифа II австрійскаго, сказанныя имъ одной либеральной дамѣ: „Я, сударыня, абсолютистъ по профессіи“. Впрочемъ, не освоившись еще со своимъ новымъ положеніемъ, Абдуль-Гамидъ до поры, до времени молчалъ, тѣмъ болѣе, что противъ иностраннаго вмѣшательства необходимо было сдѣлать какой-нибудь рѣшительный шагъ, по просту говоря, возможно ловкій шахматный ходъ. Подъ предлогомъ спасенія Турціи и ея правительства, и самодержавной власти, и благополучія султана, Мидхатъ-паша смѣло приподнесъ для подписи Абдуль-Гамиду великолѣпно написанный, по всѣмъ правиламъ турецкой каллиграфіи, историческій документъ, и Гамидъ такъ же смѣло и рѣшительно подписалъ его.

Въ этотъ историческій моментъ, когда, повидимому, рѣшались судьбы Турецкой имперіи, и султанъ Гамидъ, и Мидхатъ-паша были очень довольны совершившимся. Мидхатъ-паша былъ доволенъ тѣмъ, что надежды и мечты „молодой Турціи“ сдѣлались достояніемъ писаннаго права, стали закономъ, подписаннымъ самимъ главою государства. Гамидъ же былъ доволенъ тѣмъ, что подписанный документъ являлся для него въ данную минуту очень удобнымъ и даже внушительнымъ щитомъ противъ домогательствъ иностранныхъ державъ. Мидхатъ-паша смотрѣлъ на этотъ документъ, такъ сказать, съ точки зрѣнія вѣчности; Абдуль-Гамидъ оцѣнилъ его, такъ сказать, съ точки зрѣнія злобы дня. И вотъ, въ тотъ самый моментъ, когда европейскіе посланники соборно явились во дворецъ султана

со своими, коллективно выработанными и уже подписанными от имени великихъ державъ реформаціонными требованіями, вдругъ вдали загрохотали пушки.

Это былъ торжественный салютъ дворцовой артиллеріи въ честь вновь народившагося „европеизированнаго“ государства, въ честь только-что объявленной турецкой конституціи.

То, что придумали для блага турецкаго народа европейскіе послы, оказалось гораздо хуже и скуднѣе, чѣмъ то, что обѣщала дать турецкому народу новая конституція!

Самъ султанъ давалъ, повидимому, гораздо больше того, что отъ него требовали, и къ тому же давалъ какъ будто безъ всякаго принужденія. Новый актъ верховной воли не могъ не казаться всему свѣту чѣмъ-то небывалымъ, какимъ-то чудомъ самоотверженія и безкорыстія, рѣдчайшимъ примѣромъ душевнаго величія и политической мудрости, въ силу которой человѣкъ, держащій въ своихъ рукахъ огромную силу, богатство и власть и создающій, съ ихъ помощью, для себя и своихъ близкихъ нѣчто въ родѣ магометова рая на землѣ, вдругъ отъ этого самаго рая отказывается и за себя и за своихъ потомковъ, ради благополучія и счастья тѣхъ самыхъ миллионныхъ людей, которые, по представленіямъ, освященнымъ и отцовской вѣрой, и исторіей, и писаннымъ правомъ, только для того и живутъ на землѣ, чтобы устраивать для него этотъ рай.

Это-ли не самоотверженіе, это-ли не жертва, единственно достойная „тѣни Аллаха на землѣ“?

Исторія умалчиваетъ о томъ, какими доводами убѣждалъ Мидхатъ-паша новаго султана и какими собственными доводами султанъ убѣдился въ удобствѣ для него новаго акта. Какъ бы то ни было, онъ рѣшился фигурировать на аренѣ исторіи въ качествѣ „ортодоксальнаго конституціоналиста“. Такъ или иначе, дѣло было сдѣлано, актъ подписанъ и 23-го декабря 1876 года объявленъ съ великимъ торжествомъ... Этимъ актомъ султанъ ограничивалъ свою собственную власть, поступаясь ею въ пользу „своего возлюбленнаго народа“ въ лицѣ его „свободно избранныхъ представителей“. Читая новый актъ воистину „государственной“ мудрости, нельзя не видѣть, до какой степени

былъ широкъ государственный размахъ у творцовъ турецкой конституціи. Они сыпали политическія блага и разныя „права“ самою щедрой рукой. Они давали, можно сказать, все, не оставляя въ свою пользу ничего или почти ничего изъ своихъ вѣковыхъ прерогативъ. Они не жалѣли ни своей власти, ни даже своего кармана. Они безжалостно относились къ своимъ собственнымъ выгодамъ и благополучію. Конституція; тайно выработанная коммиссіею изъ улемовъ (ученыхъ на духовный ладъ) и чиновниковъ, къ тому же выработанная по довольно „демократическому“ образцу конституціи бельгійской, сулила турецкому народу всѣ блага самыхъ передовыхъ европейскихъ странъ. Ею вводились двѣ палаты: во-первыхъ, сенатъ и, во-вторыхъ, выборная палата депутатовъ. Выборы въ эту послѣднюю должны были производиться на основаніи всеобщаго избирательнаго права, прямого, равнаго и тайнаго. Министры, составлявшіе особый совѣтъ, дѣлались отвѣтственными. Провозглашалась одновременно свобода вѣроисповѣданій, слова и печати, несмѣняемость судей, обязательность начальнаго образованія. Гарантировалась неприкосновенность личности, свобода и равенство всѣхъ передъ закономъ, безъ различія религій. „Въ основу имперіи,—такъ говорилось въ торжественномъ извѣщеніи, которое было разослано турецкимъ правительствомъ по всѣмъ иностраннымъ дворамъ,—конституція кладетъ начала свободы, справедливости и торжества цивилизаціи“. При этомъ усиленно указывалось на то, что конституція отнюдь не является пустымъ обѣщаніемъ, и что она есть „формальный актъ, который имѣетъ дѣйствительную силу и отнынѣ становится достояніемъ всѣхъ оттомановъ“. И вотъ на этомъ основаніи, когда державы попробовали-было представить турецкому правительству свой внушительный ультиматумъ съ перечисленіемъ „назрѣвшихъ“ реформъ, великій совѣтъ, составленный изъ двухсотъ высшихъ турецкихъ сановниковъ, весьма основательно отвѣтилъ имъ, что на эти реформы турецкое правительство согласиться не можетъ, такъ какъ сами онѣ несогласны... съ только-что объявленной конституціей. „Ни одной изъ турецкихъ провинцій,—говорилось въ турецкомъ отвѣтѣ державамъ,—нельзя предоставить исключительнаго положенія или сдѣлать въ ея пользу важныя уступки,

безъ одобренія народныхъ представителей, которые будутъ со- званы въ непродолжительномъ времени“.

Шахматный ходъ былъ рассчитанъ вѣрно. Державы, — какъ говорится, — не только отѣхали ни съ чѣмъ, но еще оказа- лись консервативнѣе самаго консервативнаго изъ правительствъ.

Такимъ образомъ, конституція сдѣлала свое дѣло и при- несла свою пользу... абсолютизму.

Затѣмъ абсолютизмъ, по своему всегдашнему правилу, бле- стяще формулированному тѣмъ же Лассалемъ, поставилъ себѣ слѣдующую задачу: „Считать несуществующимъ всякое поста- новленіе народныхъ представителей, если только оно противо- рѣчить его желаніямъ“.

Но и этого турецкому абсолютизму показалось еще мало. Онъ пожелалъ гарантировать себя, во-первыхъ, отъ неудобныхъ представителей, а во-вторыхъ, отъ представителей вообще и, наконецъ, въ третьихъ, отъ самаго представительства, и даже отъ идеи представительства, и даже отъ человѣка, который рѣшился изложить эту идею на бумагѣ и поднести эту бумагу для подписи абсолютному монарху. Дальнѣйшія событія стали развиваться съ головокружительной быстротой.

Въ февралѣ 1877 года, т.-е. мѣсяца два спустя послѣ об- народованія конституціи, Мидхатъ-паша уже впалъ въ „неми- лость“ султана, который, подписывая либеральную конституцію, вовсе не былъ намѣренъ, ради какой-то бумаги, поступаться своими весьма реальными правами. Сила была на сторонѣ сул- тана. Въ его же рукахъ находилась и та бумага, на которой было изображено право. Право должно было, такъ сказать, пре- клонить свою покорную голову передъ силой, что оно и не пре- минуло сдѣлать, лишній разъ подтверждая задолго до того ска- занныя слова все того же Лассаля, что конституція есть ни- что иное, какъ „фактическое соотношеніе общественныхъ силъ страны“. Турецкая конституція оказалась ничѣмъ инымъ, какъ уступкой трудной *минуты*, своего рода „конституціоннымъ сред- ствомъ“ для поддержки абсолютизма. Такъ и должно было быть, потому что никакой реальной гарантіи для обезпеченія правъ народа и его представителей въ данный моментъ въ Турціи не было. Вниманіе возставшихъ народностей было обращено не на

поддержку конституціи Турецкаго государства, а на выдѣленіе ихъ изъ этого государства. „Молодая Турція“ была слишкомъ слаба и не имѣла подъ собой никакой почвы въ темномъ, обѣднѣвшемъ и обезличенномъ народѣ, влачащемъ кое какъ свое земледѣльческое ярмо. Что касается до фабрично-завод- скихъ рабочихъ, то таковыхъ въ тѣ времена въ Турціи, можно сказать, почти и вовсе не было, а буржуазія, торговый классъ, была представлена никѣмъ инымъ, какъ греческими, армян- скими и, вообще, иноземными купцами, у которыхъ были свои задачи, не имѣющія ничего общаго съ турецкой конституціей. Наконецъ, турецкая учащаяся молодежь доказала свою полити- ческую зрѣлость слѣдующимъ классическимъ отвѣтомъ, который былъ данъ ею еще во времена Абдуль-Азиса на одной констан- тинопольской площади. Абдуль-Азисъ спрашивалъ молодежь: чего ради она бунтуетъ? Что собственно ей нужно?

На этотъ, во всякомъ случаѣ прямо поставленный вопросъ былъ полученъ такой отвѣтъ:

— Намъ ничего не надо. Мы знаемъ только то, что наше правительство никуда не годится.

Столь оригинально воинствующая учащаяся молодежь была, разумѣется, никому нестрашна... За всѣмъ тѣмъ, какъ-никакъ, въ рукахъ самодержавнаго султана находилось и войско, и поли- ція, и суды, и школы, и духовенство.

Вышло, словомъ сказать, совершенно такъ, какъ нѣкогда формулировалъ Лассаль: „Какъ только абсолютизмъ превра- тился въ лже-конституціонализмъ, — онъ пріобрѣлъ большую выгоду и... на неопредѣленное время продлилъ свое существо- ваніе. Если бы онъ захотѣлъ оставаться въ своемъ старомъ, неприкрашенномъ видѣ, онъ не могъ бы въ данномъ случаѣ рассчитывать на долговѣчность“.

Въ нѣкоторомъ отношеніи *помогла* сохраненію турецкаго абсолютизма и неудачная война съ Россіей, такъ какъ, въ результатъ этой войны, отъ Турціи *отошли* тѣ самыя про- винціи, которыя, съ турецкой точки зрѣнія, были особенно за- ражены „мятежнымъ духомъ“.

Разумѣется, абсолютизмъ очень скоро почувалъ, что онъ можетъ существовать попрежнему. Онъ могъ даже не утру-

ждать себя заботой о томъ, приступать или не приступать ему къ исполненію провозглашенныхъ коренныхъ реформъ турецкаго государственнаго строя. Правда, палата, учрежденная на основаніи новой конституціи, была созвана; но это была совсѣмъ не такая палата, о какой мечтали въ своей либеральной наивности Мидхатъ-паша и другіе „младо-турки“. Всеобщее избирательное право, благами котораго рассчитывали пользоваться всѣ народности, входящія въ составъ Турецкой имперіи, отнюдь не привело къ тому, чтобы въ выборную палату вошли и представители отъ христіанъ. За очень немногими исключеніями, эта палата составила изъ однихъ мусульманъ, да и эти мусульмане отнюдь не грѣшили какой-либо приверженностью къ идеямъ „молодой Турціи“: почти всѣ мусульманскіе депутаты были выбраны въ палату, несмотря на законъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, не инымъ способомъ, какъ по указаніямъ муташерифовъ (губернаторовъ), каймакамовъ, вали, заптіевъ (жандармовъ) и другихъ должностныхъ лицъ, приверженныхъ идеѣ абсолютизма, если не за совѣсть, то за страхъ или, по крайней мѣрѣ, ради возможности устраивать свои домашнія дѣла и дѣлишки. Въ результатѣ, — выборная палата составила изъ такихъ депутатовъ, которые даже у очень невзыскательныхъ на этотъ счетъ турокъ получили очень рельефное прозвище „эветъ-эффенди“, что значитъ по-русски: *да, господинъ*, такъ какъ эти депутаты были способны только къ тому, чтобы „дакать“ и „такать“.

Съ перваго же абцуга указательный перстъ должностнаго лица оказался чѣмъ-то въ родѣ эквивалента всеобщаго избирательнаго права.

Что касается до реального осуществленія гарантій „неприкосновенности и неотъемлемыхъ правъ личности“, то самому Мидхату-пашѣ пришлось испытать эти гарантіи на себѣ самомъ, и къ тому-же гораздо раньше, чѣмъ онъ ожидалъ. Открытіе первой парламентской сессіи, въ которой, кстати сказать, приняли участіе и приверженцы Мидхата-паши, состоялось 7-го марта 1877 года, но за два дня до этого момента, а именно 5-го марта, самъ Мидхатъ, по приказу того же Абдуль-Гамида, былъ лишенъ своего званія великаго визиря и арестованъ. Правда,

открытіе парламента все-таки состоялось, и онъ, по англійскому образцу, былъ даже открытъ тронной рѣчью, но и это обстоятельство не помѣшало его закрытію, въ сущности, еще до конца сессіи...

Абсолютизмъ, очевидно, учуялъ даже въ такомъ парламентѣ какой-то нежелательный и непріятный для себя духъ, хотя бы исходя изъ того одного факта, что, какъ-никакъ, въ этомъ самомъ парламентѣ имѣлись и приверженцы свергнутаго Мидхата, а, кромѣ того, быть-можетъ, зная по опыту нѣкоторыхъ европейскихъ державъ, что въ исторіи бывають иногда такіе моменты, когда поднимають свои голоса, во имя требованій жизни, даже господа „эветъ-эффенди“.

Впрочемъ, на первый разъ дѣло ограничилось лишь распущеніемъ только-что собраннаго парламента. Затѣмъ были произведены новые выборы, еще болѣе обставленные всякаго рода административными воздѣйствіями, несмотря на конституціонныя гарантіи, и давшія еще болѣе блистательные результаты... съ точки зрѣнія абсолютизма.

И несмотря на все это, новая сессія турецкаго парламента оказалась столь же краткою, какъ и первая, и снова кончилась ничѣмъ.

Безъ формальной отмѣны конституціи, даже безъ формальнаго распущенія, парламентъ болѣе не собирался.

Этимъ и окончилась исторія турецкаго парламентаризма. Затѣмъ наступила русско-турецкая война, имѣвшая своимъ результатомъ распаденіе европейской, а отчасти и азіатской половины имперіи. Общественное движеніе внутри государства стало замѣтно глохнуть. Волненія армянъ, грековъ и нѣкоторыхъ другихъ народностей ушли въ глубину народнаго моря, ожидая лучшихъ дней для своего новаго появленія. Что касается до реформъ, обѣщанныхъ конституціей, то онѣ такъ и не были осуществлены. Свобода печати свелась къ тому, чтобы восхвалять турецкій государственный строй и тѣхъ должностныхъ лицъ и тѣ общественные классы, которымъ онъ выгоденъ. Гражданская свобода, словно по рецепту „Московскихъ Вѣдомостей“ (1885 г.), должна была ограничиться не чѣмъ

инимъ, какъ „правомъ дѣлать то, что велятъ“ *). „Неприкосновенность личности“ имѣла своимъ результатомъ заполненіе тюремъ и заселеніе окраинъ. Самъ Мидхатъ-паша, вмѣстѣ съ другими такъ-называемыми „государственными преступниками“, по волѣ Аллаха, а можетъ-быть, и по чьей-либо иной, „скоропостижно умеръ“ въ далекой ссылкѣ.

Впрочемъ, послѣ его смерти конституція, подписанная собственной рукой султана, все таки продолжала существовать. Она существуетъ и до сего времени,—на той же самой бумагѣ, на которой была написана въ 1876 году.

Какъ извѣстно, для султановъ считается неприличнымъ отмѣнять свои собственные подписи, и Абдуль-Гамидъ не счелъ достойнымъ своего собственного величія зачеркивать самого себя.

Но и не зачеркивая, можно вести свою собственную линію. Можно быть типичнымъ представителемъ абсолютизма и въ такое время, когда тутъ же рядомъ, въ той же столицѣ, засѣдаетъ въ золоченой палатѣ цѣлая толпа „выборныхъ людей“, которые, уткнувъ свои носы и уставя бороды, „такаютъ“, „дакаютъ“, дремлютъ, кланяются, благодарятъ, восхваляютъ, прославляютъ, подписываются и расписываются, санкціонируя какія угодно „мѣропріятія“, направленные „ко благу всѣхъ вѣрноподданныхъ“, не только отъ своего имени, но и отъ имени „всего народа“. Это иной разъ выгодно даже султанамъ: вѣдь какъ ни какъ, а все-таки,—это *народные* представители, а воздѣйствовать на нихъ куда легче, чѣмъ на многомилліонный народъ; да и запугать, да и подкупить легче; если же они „дакаютъ“ и „такаютъ“ и, пресмыкаясь, распинаются за „сохраненіе основъ“—то тѣмъ лучше для абсолютизма. Во всякомъ случаѣ, съ *такими* представителями можно не только дѣйствовать, но даже и злодѣйствовать, и къ тому же не отъ своего имени, а еще отъ имени *народа*. *Такіе* представители пусть представляютъ собой хоть *весь* народъ, лишь бы они не были имъ и *взаправду*... Впрочемъ, и на этихъ господъ смотрѣть бываетъ скучно даже султанамъ. Поэтому нечего уди-

*) Слова М. Н. Каткова.

вляться, что „выборные представители“, исчезнувъ съ лица земли, сметенные тою же властью, которая и породила ихъ на свѣтъ, не оставили послѣ себя ни малѣйшаго пустого мѣста. Затѣмъ „конституціонныя“ реформы въ „конституціонномъ“ государствѣ продолжались. Гласность суда была успѣшно замѣнена правомъ полиціи пускать въ судебный залъ только того, кого ей вздумается пустить, а всю прочую любопытную публику гнать въ три шеи. Бюджетное право свелось къ чтенію фиктивныхъ бюджетовъ, представляющихъ собой своего рода „стихотворенія въ прозѣ“. Престижъ власти получилъ блестящую гарантію въ видѣ всеобщей безнаказанности властей. Что касается до казнокрадства и взяточничества,—т. н. „капіальти“,—то съ ними никто и не думалъ воевать, такъ какъ идти противъ нихъ считается не только въ Турціи, но и въ другихъ просвѣщенныхъ странахъ ничѣмъ инымъ, какъ „подрываніемъ основъ существующаго государственнаго строя, „сопротивленіемъ властямъ“, „неисполненіемъ ихъ законныхъ требованій“ и чѣмъ угодно, вплоть до... „нарушенія тишины и спокойствія“. Самъ султанъ превратился въ своего рода „эветъ-эффенди“, который милостиво „такаетъ“ и „дакаетъ“, глядя сквозь пальцы на дѣянія разныхъ мушировъ, визирей, вали, каймакамовъ и т. п. столповъ отечества. Зато увеличилось число заптіевъ (жандармовъ), которые въ Турціи обыкновенно вербуются изъ среды не только хулигановъ, но и самыхъ настоящихъ, отмѣченныхъ судебными приговорами преступниковъ, что и понятно, такъ какъ на заптіевъ возлагается казенная обязанность совершать преступленія, предусмотрѣнные закономъ. Для насажденія порядка среди армянскаго и македонскаго населенія получили верховную санкцію баши-бузуки, т. е. турецкіе казаки и палочники, т. е. черная сотня въ турецкомъ вкусѣ. Къ сожалѣнію, всѣ эти реформы, существовавшія какъ до конституціи, такъ и во время ея, и по сей день существующія, не дали и не даютъ султану только одного: онѣ не гарантируютъ его личной безопасности и не освобождаютъ его отъ боязни заговоровъ. „А боясь заговоровъ,—разсказываютъ Метэнъ и Сеньбосъ *),—

*) Новая исторія, ч. II, стр. 168.

Абдуль-Гамидъ почти не покидаетъ своего дворца и сидитъ тамъ, окруженный специально сформированной гвардіей албанцевъ, курдовъ и „гамидійцевъ“, на обязанности которыхъ лежитъ защищать его особу отъ подданныхъ; по его же порученію полиція имѣетъ наблюденіе за тѣми лицами, которыхъ она подозрѣваетъ въ склонности къ реформамъ. Султанъ возненавидѣлъ своихъ христіанскихъ подданныхъ армянъ, подозрѣвая ихъ въ желаніи образовать автономное княжество въ Азіи. Онъ старается избавиться отъ нихъ, обвиняя въ возмущеніяхъ и массахъ избивая ихъ съ помощью войскъ и полиціи, не обращая никакого вниманія на трактатъ 1878 года, „гарантировавшій“ безопасность армянамъ“.

А что же въ это время дѣлалъ народъ, тѣ самые земледѣльцы—оттоманы и райя, которые сотни разъ слышали и слушаютъ до сихъ поръ съ высоты трона высокія, многообѣщающія, звонкія слова, говорящія о „многочестивыхъ заботахъ“, „несыпномъ попеченіи“, „волѣ Аллаха“ и проч. и проч.? Народъ жилъ и живетъ до сихъ поръ въ той же нищетѣ, темнотѣ и униженіи, какъ до, такъ и послѣ конституціи. Эта послѣдняя принесла свою пользу только абсолютизму. „Итакъ, господа,—говорилъ когда-то Лассаль,—лжеконституціонализмъ не есть пріобрѣтеніе народа, а, напротивъ, исключительно пріобрѣтеніе абсолютизма, въ значительной мѣрѣ упрочивающее его положеніе. Лжеконституціонализмъ заключается въ томъ, что правительство утверждаетъ то, чего нѣтъ. Оно объявляетъ государство конституціоннымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно абсолютно. Онъ заключается во лжи“.

Такимъ образомъ, исторія турецкой конституціи есть исторія азіатской лжи на европейскій ладъ.

* * *

Какъ это видно изъ краткаго историческаго очерка, набросаннаго нами на предыдущихъ страницахъ, турецкая конституція возникла не въ видѣ добровольнаго дара, направленнаго къ удовлетворенію народныхъ нуждъ. Турецкая конституція появилась на свѣтъ подъ давленіемъ внѣшней и внутренней смуты, которая очень опредѣленно требовала отъ правитель-

ства того или иного разрѣшенія какъ экономическихъ, такъ и политическихъ затрудненій. Смута, разгорѣвшаяся въ христіанскихъ провинціяхъ Турціи на экономической, національной, политической и религіозной почвѣ, до кровавыхъ возстаній включительно, властно требовала реформъ въ этихъ провинціяхъ, которыя, въ силу этой-же самой смуты, вслѣдъ затѣмъ и отошли отъ Турціи. Далѣе, турецкая конституція являлась ничѣмъ инымъ, какъ орудіемъ или однимъ изъ способовъ борьбы съ нею. Она вовсе не была направлена, по крайней мѣрѣ, по мысли подписывавшаго ее султана, къ дѣйствительному удовлетворенію назрѣвшихъ государственныхъ нуждъ, которыя третировались этимъ послѣднимъ, какъ нужды, вовсе еще не успѣвшія назрѣть „въ достаточной степени“. Чтобы „удовлетворять“ эти назрѣвшія или назрѣвающія нужды, у турецкаго абсолютизма, какъ и у всякихъ другихъ, имѣется, какъ извѣстно, цѣлый арсеналъ своихъ особыхъ способовъ, въ видѣ разнаго рода репрессій, подтягиваній и обузданій общественнаго мнѣнія и сведенія на нѣтъ его опредѣленныхъ проявленій. Исходя же изъ взгляда на конституцію, какъ на орудіе борьбы и какъ на ловкій шахматный ходъ, турецкій абсолютизмъ не могъ не разсматривать ее, съ самыхъ же первыхъ моментовъ ея существованія, какъ своего рода форму или, точнѣе говоря, *декорацію*, которая должна разукрасить собою далеко неприглядную дѣйствительность. Турецкая конституція имѣла своею цѣлью дать удовлетвореніе не тѣмъ людямъ, которые *способны* понимать окружающую дѣйствительность, а тѣмъ, которые именно *неспособны* ее понимать, которымъ можно, а значитъ, съ точки зрѣнія высшей политики, и должно втирать такимъ способомъ очки въ глаза. Именно эти люди,—а ихъ, какъ извѣстно, въ каждой странѣ имѣются довольно большіе запасы,—и нуждаются въ конституціонныхъ декораціяхъ. Именно они и не умѣютъ разбираться въ явленіяхъ жизни, и не умѣютъ вѣрить, прежде всего, фактамъ и своимъ собственнымъ глазамъ, а не чужимъ словамъ, лишь бы эти слова были провозглашены съ подобающей торжественностью. Къ осуществленію власти, обѣщанной турецкой конституціей, турецкій народъ хотя и былъ

призванъ, но вовсе не былъ допущенъ. Всеобщее избирательное право, написанное на бумагѣ, было сведено въ жизни ни къ чему иному, какъ къ фильтрованію непріятныхъ для турецкаго абсолютизма людей. Участіе въ политической жизни страны съ самаго момента объявленія конституціи было сдѣлано недоступнымъ. Такимъ образомъ, не было допущено даже осуществленія первыхъ шаговъ для постройки самой декорации. Надъ этимъ послѣднимъ дѣломъ трудились только разныя должностныя лица, руководствовавшіяся строжайшими инструкціями, кого „тащить“ и кого „не пущать“ въ новое „представительное“ учрежденіе. Это самое „представительство“ не свелось даже къ театральному представленію. Правда жизни, реальная дѣйствительность была рѣшительно отодвинута на задній планъ, что и понятно само собой, такъ какъ не въ этомъ была самая суть дѣла. Она вовсе не соответствовала цѣлямъ авторовъ конституціи. Поэтому врядъ-ли слѣдуетъ удивляться тому, что судьба турецкой конституціи оказалась именно такою, о какой было сказано выше. Въ результатѣ лжеконституціонализмъ превратился самъ собою въ прежній абсолютизмъ, что и соответствовало намѣреніямъ этого послѣдняго.

* * *
Спрашивается теперь, что же есть общаго между турецкой конституціей и конституціей русской въ томъ видѣ, въ какомъ преподнесъ ее русскому народу въ 1905 году русскій абсолютизмъ? Позволяемъ себѣ утверждать, что между тою и другою имѣются весьма существенныя черты сходства, которыя, несомнѣнно, достойны того, чтобы быть отмѣченными. Сходство выражается во первыхъ, въ основныхъ, опредѣляющихъ моментахъ какъ турецкой конституціи, такъ и русской Государственной Думы, которая „призвана“ олицетворить собою конституцію російскую; во вторыхъ, и въ самой постановкѣ такъ наз. „народнаго“ представительства въ обѣихъ европеизируемыхъ странахъ,—Россіи и Турціи.

Что касается до основныхъ опредѣляющихъ моментовъ, то въ Россіи ими было, прежде всего, также какъ и въ Турціи,

ничто иное какъ, „смута“, внутреннія и внѣшнія неурядицы, финансовыя, экономическія, политическія, духовныя,—неурядицы во всѣхъ областяхъ жизни и мысли, безъ наличности чего и нынѣ въ обѣихъ упомянутыхъ странахъ царилъ бы прежняя канцелярская тишь да гладь, хоть и не Божья благодать, во славу Аллаха и его намѣстника на землѣ и всѣхъ его близкихъ и близкихъ. Значеніе смуты въ исторіи русской конституціи подтверждено, какъ извѣстно, и официально—во-первыхъ, манифестомъ 26 Февраля 1903 года, во-вторыхъ манифестомъ 17 Октября 1905 года, не считая разныхъ другихъ, не менѣе внушительныхъ документовъ, узаконившихъ если и не самую смуту, то по крайней мѣрѣ это самое слово, которое тоже еще такъ недавно признавалось крамольнымъ, затѣмъ быстро сдѣлалось официальнымъ и пошло свободно гулять по страницамъ російской печати, примѣрно лѣтъ на пять или на восемь позднѣе, чѣмъ появилась самая смута, такъ напугавшая кого слѣдуетъ. Правда, смута смутѣ рознь, но, тѣмъ не менѣе, весьма существенное сходство въ политическихъ, финансовыхъ и другихъ условіяхъ Россіи съ тѣми же условіями въ Турціи, несомнѣнно имѣло рѣшающее значеніе, какъ на Балканскомъ полуостровѣ, такъ и на Великой Европейской равнинѣ. Сходныя черты въ государственномъ и социальномъ устройствѣ привели и здѣсь, и тамъ къ сходнымъ результатамъ, а несходства причинъ отразились и на несходствахъ послѣдствій. И въ Россіи, и въ Турціи въ числѣ опредѣляющихъ моментовъ оказались, во-первыхъ, затрудненія внѣшнія, столкновенія съ другими державами,—въ русскомъ случаѣ—неудачная японская война, которая сыграла такую выдающуюся роль въ развитіи русскаго общественнаго сознанія и настроеніи двухъ кровавыхъ годовъ (1904—1905) и покрыла нынѣшнюю официальную Россію неизмѣримо большимъ позоромъ, чѣмъ покрыла Турцію тоже для нея неудачная война русско-турецкая, во время которой, какъ никакъ, выпали победы и на долю турокъ. Во-вторыхъ, нельзя не отмѣтить еще одного „политическаго“ обстоятельства,—именно систематической репрессіи какъ иноплеменныхъ, такъ и славянскихъ народовъ, входящихъ въ составъ Россійскаго госу-

дарства, цѣлаго ряда всѣмъ извѣстныхъ явленій, происходящихъ за послѣдніе годы на окраинахъ Россіи, вплоть до кровавой, совершенно въ турецкомъ вкусѣ армянской рѣзни включительно, — явленій, имѣющихъ много аналогичнаго съ тѣмъ, что происходило на Балканскомъ полуостровѣ 30 лѣтъ тому назадъ. И тамъ и здѣсь на долю несчастнаго и даровитаго армянскаго народа вышала совершенно одинаковая судьба; и здѣсь и тамъ армянскому народу пришлось сыграть тяжелую роль борца и жертвы. По отношенію къ разнаго рода притѣсненіямъ и несправедливостямъ на русскихъ окраинахъ, официальная Россія далеко даже перещеголяла официальную Турцію. Припомнимъ напр., что творилось за послѣдніе годы на Кавказѣ и въ чертѣ (и даже внѣ черты) еврейской осѣдлости, въ южныхъ и западныхъ губерніяхъ, не говоря уже о возмутительномъ произволѣ всевозможныхъ властей разныхъ чиновъ и ранговъ, дѣйствующихъ въ Средней Азійи и Сибири. И если столь высококультурная страна, какъ царство Польское, буквально стонетъ уже много лѣтъ подъ игомъ азіатско-россійскаго режима, если и Финляндіи пришлось переносить на своихъ плечахъ весь гнетъ россійской азіатчины, вплоть до нарушенія цѣлаго ряда присягъ и подписанныхъ договоровъ, не говоря уже о разныхъ „обѣщаніяхъ“, то что же сказать о малочисленныхъ, несчастныхъ, жалкихъ, угасающихъ племенахъ далекой Сибири? Кто можетъ ясно и точно рѣшить и оцѣнить, на чью долю выпадаетъ больше страданій и униженій, — на долю ли инородцевъ русскихъ или инородцевъ турецкихъ, и кто изъ нихъ питаетъ наибольшее отвращеніе къ „отеческимъ попеченіямъ“? Въ третьихъ, и въ Россіи и въ Турціи дѣлу насажденія смуты чрезвычайно помогли правительства обѣихъ этихъ странъ, успѣшно разнуздывавшія, при помощи абсолютизма, свою собственную власть и власть всѣхъ прочихъ властей, дѣйствующихъ во имя своей „вѣры, царя и отечества“. Мы не станемъ вдаваться въ подробности, чѣмъ отличаются наступательныя дѣйствія властей россійскихъ отъ продѣлокъ разныхъ мудировъ, каймакамовъ, вали и другихъ „вѣрныхъ слугъ султана“, столь же ретиво дѣйствующихъ и злодѣйствующихъ въ Турціи и одинаково старательно подготовлявшихъ смуту какъ на Бал-

канскомъ полуостровѣ, такъ и въ Россіи, какъ въ Азіатской Турціи, такъ и въ Азіатской Россіи. Было бы излишнимъ доказывать, какую громадную роль во всемъ этомъ сыграло превращеніе многихъ русскихъ областей и губерній въ цѣлый рядъ довольно „автономныхъ“ восточныхъ сатрапій, посредствомъ введенія всякаго рода усиленныхъ и чрезвычайныхъ охранъ, направленныхъ къ упраздненію законовъ и божескихъ и человѣческихъ, и дѣлающихъ изъ такъ называемаго „источника власти“, закона своего рода... ящикъ Пандоры. Появленіе намѣстничествъ и генераль-губернаторствъ, усиленіе и безъ того дискреціонной власти такъ называемыхъ „хозяевъ губерній“, цѣлый рядъ башибузукскихъ „недоразумѣній“ на полицейской, на аграрной и даже на религіозной почвѣ, какія за послѣднее время имѣли мѣсто въ Царствѣ Польскомъ (напр. дѣло о костелѣ въ Крожахъ), и въ другихъ мѣстностяхъ, — все это такіе факты недавняго прошлаго (объ еще болѣе страшныхъ фактахъ еще болѣе кроваваго настоящаго мы даже не говоримъ), которые невольно наводятъ на мысль объ аналогіяхъ, существующихъ между Россіей начала XX столѣтія, т. е. русскаго кануна конституціи, и Турціей предпослѣдней четверти столѣтія XIX, — аналогіяхъ, которыя никакъ уже не могутъ быть заглушены даже тѣми, весьма существенными различіями, о какихъ будетъ еще рѣчь. Во всякомъ случаѣ, врядъ ли можно сомнѣваться, что канунъ русской конституціи прежде всего былъ отмѣченъ — какъ это блестяще и даже тактично со своей точки зрѣнія засвидѣтельствовалъ въ Комитетѣ Министровъ (т. е. въ россійскомъ Диванѣ) министръ Внутреннихъ Дѣлъ (т. е. „мустешаръ“) П. Н. Дурново и другіе эркіани-девлеть, компетенція которыхъ въ данномъ случаѣ неоспорима, — грандіознымъ ослабленіемъ силы закона, — паденіемъ даже россійской законности*). Разумѣется, это послѣднее явленіе несомнѣнно приблизило Россію, въ смыслѣ внутренней политики, все къ той же Турціи, а русскій самодержавный

*) Право 1905 г. Извлеченіе изъ журнала Комит. Министровъ.

режимъ—все къ тому же турецкому абсолютизму. Это какъ нельзя болѣе доказывается цѣлымъ рядомъ правительственныхъ дѣйствій и воздѣйствій въ теченіе цѣлой четверти столѣтія (1881—1905) въ цѣляхъ „обязятченія“ Россіи, и это обязятченіе, за послѣднія 20 лѣтъ, въ юридическомъ и политическомъ смыслѣ, во всякомъ случаѣ—фактъ, констатированный оффиціально. Но еще болѣе достоинъ вниманія слѣдующій знаменательный фактъ: очевидно, не довольствуясь тѣмъ сходствомъ, которое, во многихъ отношеніяхъ уже издавна существуетъ между турецкимъ и русскимъ государственнымъ строемъ, заправилы этого послѣдняго и съ своей стороны употребляютъ цѣлый рядъ сознательныхъ усилій, чтобы это сходство увеличить еще въ большей степени, проводя въ жизнь только такія реформы, въ основѣ которыхъ лежатъ главнымъ образомъ турецкіе образцы, какъ водится, приводящіе къ тѣмъ же „турецкимъ“ послѣдствіямъ и въ законѣ, и въ жизни, и въ исторіи, и около насъ—на улицахъ сель, городовъ и столицъ. На первомъ мѣстѣ, въ этомъ отношеніи, необходимо поставить учрежденіе въ Россійской Имперіи чина и званія великаго визиря, подъ кличкой премьеръ-министра. Этотъ весьма интересный, большой историческій фактъ констатируетъ никто иной какъ проф. М. М. Ковалевскій. Онъ говоритъ объ учрежденіи визирата въ Россіи слѣдующими, весьма отчетливыми и вѣскими словами: „Чтобы сдѣлаться подобнымъ англійскому Кабинету (министровъ), русскому не доставало и не достаетъ только одного—отвѣтственности. Но безотвѣтственный и въ тоже время солидарный кабинетъ болѣе приближается къ турецкому визирату, нежели къ тому комитету отъ палатъ, какому въ Англии ввѣряется королемъ руководство внутренней и внѣшней политикой. вмѣсто премьера мы получили въ лицѣ гр. Витте великаго визиря. Чтобы вполне уподобиться ему, гр. Витте, не доставало только одного—подчиненія всѣхъ министровъ непосредственному собственному руководству. Но все военное, дворцовое и удѣльное вѣдомство вмѣстѣ съ иностранной политикой осталось въ прямомъ завѣдываніи Государя и поставленныхъ имъ министровъ. Получились такимъ образомъ два правительства,—„петербургское и царско-сель-

ское“ *). Какъ извѣстно, Ильдизъ-Кіоскъ и Диванъ тоже представляютъ изъ себя не одно, а два правительства. Князь Мещерскій, — публицистъ, довольно компетентный въ вопросахъ турецкой государственной практики, такъ комментируетъ русскій визиратъ: „Единоличный келейный докладъ министра, послѣ 17 Октября остался во всей силѣ“ (какъ извѣстно, келейность и единоличность такого рода „государственныхъ“ дѣлъ и есть одинъ изъ основныхъ признаковъ визирата). „Событіе это получаетъ громадное политическое значеніе, какъ указаніе, что и съ созывомъ Думы этотъ порядокъ не измѣнится. Не только двухъ-трехъ словъ, но иной интонаціи голоса на келейномъ докладѣ министра будетъ достаточно, чтобы измѣнять направленіе всякаго дѣла и ставить Государя въ недовѣрчивое отношеніе къ Думѣ по любому вопросу“. **) Но аналогія русскихъ реформъ въ турецкомъ вкусѣ съ реформами собственно турецкими, съ той же цѣлью насажденія конституціи, идетъ и дальше: за реформой совѣта министровъ въ визиратѣ слѣдуетъ реформа народа, т.-е. точнѣе говоря, трудящагося народа—крестьянъ и фабрично-заводскихъ рабочихъ—въ райю и раздѣленіе всего русскаго населенія на три главнѣйшихъ сословія, во первыхъ, — царствующую бюрократію, во вторыхъ—христолюбивое воинство (понимая подъ этимъ словомъ какъ солдатъ, такъ и членовъ „союза русскаго народа“, воителей, украшаемыхъ, за участіе въ смутѣ съ одной стороны георгіевскими крестами, съ другой—значками съ изображеніемъ того же Георгія Побѣдоносца) и, наконецъ въ третьихъ, — послѣднее, и самое обширное сословіе—арестантовъ, къ числу которыхъ должны быть отнесены всѣ прочіе обыватели-вѣрноподанные. Было бы излишне вдаваться въ детальный разборъ такого рода турецкихъ конституціонныхъ реформъ. Онѣ и такъ отлично извѣстны русскому обывателю уже много десятковъ, если не сотенъ лѣтъ, и за послѣднее время лишь пошли болѣе усиленнымъ, рѣшительнымъ и рѣзкимъ тем-

*) „Страна“, 1906 г., № 1, ст. „Маккиавеллизмъ на русской почвѣ“.

**) Цит. изъ выдержки, приведенной въ вечернемъ выпускѣ газеты „Русь“ 23 Февраля 1906 г.

помъ и дошли даже до стрѣльбы изъ пушекъ и пулеметовъ по хижинамъ и по деревнямъ райи, а также до разстрѣла райи фабричной, шедшей подавать слезливое прошеніе о своихъ неотложныхъ нуждахъ, до чисто тамерлановскаго опустошенія огнемъ и мечемъ цѣлыхъ христіанскихъ провинцій, населенныхъ тѣми же племенами, что и въ Турціи (славянами или армянами), а въ добавокъ къ этимъ, (принимая во вниманіе разнообразіе племенъ Россійской Имперіи), и провинцій, населенныхъ эстонцами и латышами. Но авалогія предъ-конституціонной Россіи съ Турціей не кончается и на этомъ. И здѣсь и тамъ мы видимъ одинаковое отношеніе къ политическимъ реформамъ. И здѣсь и тамъ „предшествуетъ онымъ“ цѣлый рядъ туманныхъ и изворотливыхъ обѣщаній бюрократіи, къ тому же съ довольно большими промежутками между каждымъ обѣщаніемъ (26 февраля 1903 г., 12 декабря 1904 г., 18 февраля, 6 августа и 17 октября 1905 г. и т. д.). И здѣсь и тамъ сладкія слова „бюрократіи“ предшествуютъ далеко не сладкимъ дѣламъ, а сладкія дѣла обыкновенно не слѣдуютъ за такими же словами. И здѣсь и тамъ царствуетъ система проволочекъ, недоговариваній, затягиваній, оттягиваній, оговорокъ и т. д., и т. д. И здѣсь и тамъ всевластные, обросшіе то жиромъ; то мохомъ бюрократы и вкривь и вкось водятъ довѣрчивыхъ обывателей за носъ, ничѣмъ не волнуясь и никуда не спѣша, ничего не стыдясь и ничѣмъ не смущаясь, обѣщая и хихикая про себя, въ родѣ какъ когда-то римскіе авгуры, а нынѣ—турецкіе Фуады и другіе паши, и играя на нервахъ терпѣливыхъ обывателей какъ на казенной балалайкѣ. Словомъ сказать, и въ политическомъ отношеніи будущій справедливый и непристрастный историкъ безспорно найдетъ въ историческомъ моментѣ, опредѣляющемъ русскую конституцію, много сходства Россіи съ Турціей. Этотъ періодъ русской исторіи (1881—1906) безъ сомнѣнія можетъ быть названъ „періодомъ переработки освободительныхъ реформъ 60-хъ годовъ на турецкій ладъ“ и на турецкихъ основаніяхъ.

Но идемъ далѣе. Государственная Дума и турецкая конституція имѣютъ нѣчто общее между собою не только въ политическомъ, но и въ другихъ отношеніяхъ, и прежде всего въ отношеніяхъ экономическомъ и финансовомъ, — это

четвертый пунктъ аналогіи, — и быть можетъ, здѣсь сходство выступаетъ еще рельефнѣе чѣмъ въ первыхъ трехъ. Въ нарожденіи и русской и турецкой „конституціи“ финансовыя затрудненія сыграли неоспоримо очень важную роль. Для иллюстраціи все той-же мысли припомнимъ, на примѣръ, далеко не блестящія государственныя смѣты послѣднихъ лѣтъ и финансовыя результаты восточно-азиатской авантюры, и результаты этихъ результатовъ,—воистину титаническія усилія, которыя продѣлываютъ господа Коковцевы, Шиповы, Витте и другіе, съ позволенія сказать, лѣкари, или, выражаясь точнѣе, ветеринары русскихъ финансовъ для штопанья быстро растущихъ дыръ въ русіискомъ государственномъ бюджетѣ; припомнимъ еще непреоборимое стремленіе главныхъ хозяевъ казеннаго сундука покрывать долги долгами и переписывать, хотя бы на очень тяжелыхъ условіяхъ, казенные векселя, не брезгуя даже и краткосрочными, „обидными“ обязательствами, лишь бы наполнить казну, — этотъ источникъ „бюрократическихъ“ доходовъ,—хоть чѣмъ нибудь золотомъ,—французскимъ, еврейскимъ, нѣмецкимъ, голландскимъ и т. д. и т. д.; припомнимъ всякаго рода выколачиванія и соскребыванія и грошей и копеекъ, гдѣ только можно и какъ только можно, все съ того же трудящагося народа, а также превращеніе временныхъ налоговъ въ постоянные (напр. налоги „по случаю“ русско-китайской войны); припомнимъ быстро растущее оскудѣніе, во первыхъ, центра, во вторыхъ, периферіи, а въ третьихъ — промежутка между тѣмъ и другой, припомнимъ обремененіе государственнаго бюджета внѣшними и внутренними займами и тяжелыми процентами по нимъ и т. д. и т. д., — и тогда роль русскихъ финансовыхъ неурядицъ, на ростаніе русской смуты раскроется съ достаточной полнотою для нашей цѣли. Но и это еще не все: самое отношеніе русскаго правительства къ русскому плательщику податей и налоговъ совершенно аналогично, если только не тождественно, съ отношеніемъ турецкихъ властей къ турецкимъ плательщикамъ—райѣ. Болѣе или менѣе тождественны и приемы сведенія концовъ съ концами, на счетъ подтягиванія и выколачиванія недоимокъ изъ кармановъ вѣрноподданныхъ, и цѣлый арсеналь другихъ столько

же православныхъ, сколько и правобѣрныхъ пріемовъ, направленныхъ къ поддержкѣ престижа государственныхъ финансовъ. Извѣстно, кромѣ того, что и русскіе, и турецкіе финансисты кладутъ въ основу своей финансовой политики одинъ и тотъ же разуваевскій принципъ: „іѣнъ да-аста-а-анетъ“, и на этомъ непреложномъ принципѣ строятъ всю свою не только финансовую, но и вообще внутреннюю политику. Конечное развитіе этого самаго принципа, произведенное въ 1906 г. разными временными военными и иными генераль-губернаторами, губернаторами, сухопутными адмиралами и разными японскими побѣдителями, стражающими смертной казнью за несвоевременный взносъ податей, перешагнуло и за предѣлы того, что дѣлалось и дѣлается въ Турціи... Отмѣтимъ наконецъ и тотъ фактъ, что къ началу 1906 г. картина російскаго финансоваго запустѣнія тоже приблизилась къ турецкому образцу, дойдя до того, что въ газетахъ стали даже поговаривать о контролѣ иностранныхъ кредиторовъ надъ нѣкоторыми (слава Богу, что лишь надъ нѣкоторыми) статьями, о тайной и даже явной запродажѣ той, то другой статьи государственныхъ доходовъ, о концессіяхъ и „арендованіяхъ“, о гарантіяхъ и обезпеченіяхъ, какъ это практиковалось въ Турціи наканунѣ тамошней конституціи и практикуется до сихъ поръ. Правда, въ Россіи идутъ объ этомъ еще одни только разговоры въ тайникахъ русской бюрократіи. Но и они въ достаточной степени знаменательны для кануна конституціи російской. Припомнимъ, наконецъ, и многія другія печальныя перипетіи финансоваго краха російскаго абсолютизма,—и тогда намъ станетъ достаточно ясно вся аналогія въ подготовленіи конституціи какъ русской, такъ и турецкой. Но эта аналогія продолжается, такъ сказать, и въ обратную сторону: интересующіе насъ опредѣляющіе моменты той и другой конституціи характеризуются не только объединеніемъ казны, которое логически слѣдуетъ за искусственнымъ объединеніемъ народной трудящейся массы, но и обогащеніемъ цѣлой своры російскихъ „эркіани-девлетъ“, торопливо увозящихъ въ настоящее время свои милліоны въ видѣ чистаго золота, безъ всякой симпатіи къ оскудѣвающей золотой наличности государственнаго банка и къ курсу русскаго

рубля, цѣлыми вагонами за границу и припрятывающихъ свое безъ особаго труда нажитое добро заблаговременно въ заграничныхъ банкахъ. Словомъ сказать, картина конституціоннаго кануна и основныя черты, характеризующія его, представляютъ изъ себя столько аналогій, что разбирать ихъ детально въ небольшой брошюрѣ совершенно невозможно. Предоставимъ это дѣло историкамъ-специалистамъ и перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію самаго существа російской конституціи сравнительно съ конституціей турецкой.

* * *

Въ этомъ отношеніи главная аналогія заключается въ слѣдующемъ: Російская Государственная Дума и турецкая конституція прежде всего отнюдь не суть законодательные акты, имѣющіе въ виду русскій ли, турецкій ли народъ и его нужды и потребности. Та и другая — ничто иное какъ орудіе въ рукахъ центральной власти, и именно орудіе всенароднаго и международнаго обмана, — обмана не только по возможности всѣхъ вѣрноподданныхъ, но даже и не подданныхъ, и даже неподатливыхъ, особенно иностранныхъ банкировъ и разныхъ держателей русскихъ бумагъ, — обмана съ цѣлью пополненія опустѣвшей казны, — прежде всего съ этою именно цѣлью, — которая имѣетъ въ свою очередь еще одну цѣль, — возможно успѣшную борьбу со смутой при помощи какъ добровольцевъ, такъ и купленныхъ за хорошія деньги головъ, сердецъ и рукъ „патріотичныхъ“ государственныхъ дѣятелей. Ни турецкая конституція, ни русская Государственная Дума вовсе не ставятъ своею цѣлью дать народу то, что они должны бы были ему дать. Обѣ онѣ создавались вовсе даже не для того ихъ канцелярскими „сочинителями“, которыхъ мы, стараясь быть объективными, не рѣшаемся назвать законодателями, — чтобы „идти навстрѣчу“ назрѣвшимъ потребностямъ народной и государственной жизни, а лишь для кладбищенской тишины и спокойствія, которыя кто-то остроумно назвалъ спокойствіемъ и тишиною дортуара въ участкѣ, и для доселѣ почти безмятежнаго благополучія нынѣшнихъ казенныхъ „дѣлателей“ русской исторіи.

Что касается до народа, то обѣ „дарованныя“ конституціи, какъ турецкая, такъ и русская, предназначены для него лишь какъ „временныя мѣры“, подлежащія отмѣнѣ гораздо быстрѣе всѣхъ другихъ, обыкновенныхъ русскихъ „временныхъ“ мѣръ (существующихъ прѣмѣрно по 30—40 лѣтъ),—отмѣнѣ при первомъ удобномъ и даже, при нуждѣ, и неудобномъ случаѣ*). Какъ извѣстно, исторія довольно богата примѣрами, когда „государственная мудрость“ заставляетъ господъ „дѣлателей исторіи“ прибѣгать иногда и къ радикальнымъ средствамъ въ видѣ такъ называемаго „народнаго представительства“. Обыкновенно это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда казеннымъ радѣтелямъ народнаго блага приходится выбрасывать волей неволей народу его собственный, т. е. народный трудовой грошъ, лишь бы спасти, для себя самихъ, переставшій быть собственностью того же народа его трудовой народный рубль. Разумѣется, это просто на просто сдѣлка, чрезвычайно выгодная самимъ „благодѣтелямъ“ и весьма невыгодная тѣмъ, кого они хотятъ ею облагодѣтельствовать. Но это, разумѣется, нисколько не мѣшаетъ имъ трубить на весь свѣтъ о своей безконечной добротѣ и милости и салютовать эту послѣднюю сто однимъ выстрѣломъ. Извѣстно, кромѣ того, что зарвавшіеся и запутавшіеся должники идутъ на какія угодно сдѣлки, не только чрезвычайно выгодныя для нихъ, какъ та, о которой сейчасъ было сказано. И правда,—чего лучше: вѣдь даруя „возлюбленному народу“ конституцію, султанъ турецкій желалъ даже изъ своего невыгоднаго положенія извлечь для себя же выгоду. Вѣдь если старыя орудія для поддержки собственнаго благополучія всѣ испробованы, отчего же не пустить въ ходъ и новаго въ тѣхъ же почтенныхъ цѣляхъ? Но есть орудія и орудія. Съ иными обращаться необходимо крайне осторожно, и во всякомъ случаѣ истинно государственная мудрость даже „истинно русскаго“ законодателя требуетъ, чтобы не очень-то рубить тотъ сучокъ, на

*) Какъ было уже сказано, турецкая конституція существовала около года, въ Россіи же она была обѣщана 17-го окт. 1905 г., а отмѣнена 20-го февраля 1906 г.

которомъ сидится чрезвычайно удобно уже нѣсколько сотъ лѣтъ. Тѣмъ болѣе нужно быть осторожнымъ, когда имѣешь въ виду укрѣплять абсолютизмъ посредствомъ противоположнаго ему народнаго представительства. Чтобы добиться своей цѣли при помощи такого щекотливаго средства, необходимо разрѣшить на практикѣ слѣдующій мудреный вопросъ прикладной социологіи:

Какъ сдѣлать такъ, чтобы „дать“ конституцію и не дать? Какъ сдѣлать такъ, чтобы эта самая конституція нисколько не угрожала абсолютизму и не подрывала благополучія самыхъ благополучныхъ изъ людей? Чтобы она и существовала, и не существовала, дѣйствовала и не дѣйствовала?

Какъ извѣстно, и на этотъ, съ виду мудреный вопросъ, исторія уже придумала нѣсколько вполне практическихъ отвѣтовъ, самая суть которыхъ заключается въ томъ, чтобы подмѣнить и замѣнить собственно народное представительство его лубочной декорацией. Это и было сдѣлано, не только въ Константинополѣ въ 1876 году, но и въ Петербургѣ въ 1905 и 1906 гг. А для этого—то и необходимо было прежде всего устранить изъ народнаго представительства, по возможности, весь народъ, а нѣкоторые остатки отъ него какъ слѣдуетъ процѣдить сквозь самыя тщательныя фильтры полицейской и вообще административно-канцелярской опеки, и послѣ такого выщелачиванія народной воли поставить то, что еще останется отъ представительства, въ такія узкія условія, при которыхъ, какъ выражался М. Е. Салтыковъ-Шедринъ, можно только урчать, но не разсуждать; но и послѣ этого, на всякій случай, слѣдуетъ гарантировать „основы“ отъ народной воли посредствомъ намордниковъ, запугиваній, застращиваній и всевозможныхъ иныхъ репрессій, и наконецъ то, что останется еще отъ народной воли даже послѣ такой фильтровки, объявить, въ случаѣ чего, „подлежащимъ отмѣнѣ“ или „подлежащимъ неутвержденію“ и даже просто „неодобренію“ (понимай, что сіе означаетъ на практикѣ). Все это и продѣлывается новыми русскими „конституционными“ законами о Государственной Думѣ, а также и двумя законами о выборахъ, въ иныхъ случаяхъ первымъ, въ иныхъ—вторымъ, и всевозмож-

ными правилами, дополненіями, разъясненіями, приказами, циркулярами, особыми докладами и прочими суррогатами закона. За всѣмъ тѣмъ въ резервѣ еще остается, кромѣ писанныхъ „законодательно-административныхъ сочиненій“, еще административно-полицейская практика. Во всякомъ случаѣ, не только теоретически, но и практически, устраненіе народа изъ народнаго представительства—дѣло вполне возможное, а главное—очень даже выгодное. Такимъ способомъ можно и капиталъ пріобрѣсти, да и невинность соблюсти, по примѣру эмиръ-эль-муменинъ, т. е. главы правовѣрныхъ, турецкаго султана. Было бы излишне вдаваться въ детальный разборъ всѣхъ новѣйшихъ русскихъ „конституціонныхъ“ законовъ, но нѣкоторыя основныя черты ихъ все-же не бесполезно освѣтить . . . съ турецкой точки зрѣнія, чтобы сдѣлать вполне очевиднымъ, такъ сказать, декоративное родство конституціи русской и турецкой.

Итакъ, сущность той и другой заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ декорации. Съ этой точки зрѣнія становится чрезвычайно ясной и понятной всякая статья закона 20 февраля и всѣхъ прочихъ „конституціонныхъ“ законовъ. Дана не государственная Дума и устраивается не народное представительство въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а народное представленіе съ декорацией представительства. Законы, обещающіе таковое народу, такъ сказать, только дѣлаютъ видъ, что даютъ его, въ надеждѣ, что въ „добромъ русскомъ народѣ“ найдется не мало простаковъ, которые этому чистосердечно повѣрятъ... замѣняя собственно народное представительство чѣмъ то такимъ, что, во-первыхъ, не есть вовсе представительство народное, а во-вторыхъ даже и не есть представительство. Съ этой цѣлью въ этомъ, столь важномъ государственномъ дѣлѣ самый народъ искусственно, но рѣшительно дѣлается послѣднимъ дѣйствующимъ лицомъ, и новые законы стараются закрѣпить таковую его роль и юридически и практически, прежде всего отодвигая возможно дальше, въ теоріи и на практикѣ, даже самый вопросъ о всеобщемъ, прямомъ и равномъ избирательномъ правѣ. Оно и понятно,—въ декорации народнаго представительства именно такого-то избирательнаго права и не должно быть вовсе. И

вотъ оба избирательныхъ російскихъ закона (6 августа и 11 декабря), ничуть не стѣсняясь, преспокойно замѣняютъ всеобщее, прямое и равное избирательное право его неуклюжей, лубочной декорацией, которую величаютъ „общимъ“ избирательнымъ правомъ и при которой много званыхъ, но зато мало избранныхъ, много допускаемыхъ къ выборамъ въ теоріи и еще больше устранимыхъ отъ выборовъ на практикѣ. Чтобы еще дальше отодвинуть народъ отъ народнаго представительства, въ обоихъ законахъ мы встрѣчаемъ, то въ явномъ, то въ скрытомъ видѣ, то болѣе, то менѣе задекорированными, и цензовыя, и сословныя, и даже національныя перегородки. И правда, что, какъ не декорация эта растасовка избирателей на курии, о которой говорятъ оба избирательныхъ закона, эти выборы по тремъ и четыремъ степенямъ, эти „особыя правила“ для окраинъ, для російскихъ поданныхъ инородцевъ, въ томъ числѣ такихъ культурныхъ народностей, какъ польская, эти произвольно установленныя количества выборщиковъ и выборныхъ, не находящіеся ни въ какомъ соотношеніи ни съ населеніемъ, ни съ размѣрами владѣній, это фактическое и юридическое устраненіе отъ участія въ народномъ представительствѣ столь обширнаго и важнаго общественнаго класса, какъ классъ фабрично-заводскихъ рабочихъ, которымъ предоставлено фигурировать въ будущей Думѣ вродѣ какъ изъ милости и лишь въ небольшомъ числѣ, и фактическое устраненіе отъ того же народнаго представительства истинныхъ представителей русскаго крестьянства, такъ какъ нельзя-же называть представителями отъ крестьянъ тѣхъ угодныхъ правительству „мужичковъ“, которыхъ соблаговолятъ провести сквозь четыре выборныхъ фильтра господъ земскіе и иные начальники. Голоса, которые будутъ подавать въ Государственной Думѣ эти, съ позволенія сказать, „дозволенные цензурой“ депутаты-рабочіе и депутаты-крестьяне,—развѣ они не будутъ казенной декорацией голосовъ трудящагося народа? А мнѣнія, высказанныя этими голосами, развѣ не будутъ декорацией народныхъ мнѣній, и само такое представительство развѣ не будетъ фальсификаціей общественнаго мнѣнія, фальсификаціей народной воли? И можно-ли назвать народнымъ представительствомъ такую организацію его, которая

приспособлена не къ пользамъ и выгодамъ трудящагося народа, а къ пользамъ и выгодамъ командующихъ классовъ, и прежде всего правящей бюрократіи и тѣхъ „основъ“, на которыя упирается ея власть? Ужъ эти „основы“, во всякомъ случаѣ, даже на основаніи однихъ только законовъ о выборахъ поставлены для Государственной Думы, такъ сказать, „за предѣлы досягаемости“. Съ чисто турецкой дипломатической ловкостью господинъ Булыгинъ придумалъ, а господинъ Витте удержалъ и поддержалъ еще одинъ восточный ловкій приемъ для охраненія этихъ „основъ“ при помощи избирательнаго закона: онъ очень искусно установилъ и „нормировалъ“ самое количество выборщиковъ отъ разныхъ городовъ и губерній, такъ чтобы отъ мѣстностей культурныхъ ихъ было поменьше, а отъ мѣстностей темныхъ—побольше. Такимъ образомъ преслѣдовалась довольно явная, хотя и тайная цѣль, не чуждая и турецкимъ эркіани-девлетъ (столпамъ отечества), а именно передать побольше голосовъ въ Думѣ въ руки людей по возможности, *мало культурныхъ* и въ значительной степени отрѣзанныхъ отъ просвѣщенія своимъ экономическимъ, правовымъ и вообще социальнымъ положеніемъ. Но и такихъ людей, и особенно-же людей „изъ народа“ російская дѣйствительность, какъ извѣстно, не можетъ не подчинить, по крайней мѣрѣ при условіи сохраненія „основъ“, крайне строгой филтровка, не можетъ не стремиться и ихъ подобрать по опредѣленному, полиціей одобренному образцу, не можетъ не насадить въ Думу прежде всего „своихъ родныхъ человѣчковъ“, которые могли бы и основамъ „порадѣть“. Принимая въ расчетъ полное и чисто турецкое отсутствіе въ Россіи какъ гарантій неприкосновенности личности, такъ и отсутствіе свободы слова и печати, сходокъ и собраній, свободы совѣсти и свободы преподаванія, мы не можемъ не видѣть, что и законы о выборахъ представляютъ изъ себя своего рода юридическіе фильтры, чрезвычайно напоминающіе собою фильтры турецкіе, съ тою только разницей, что эти послѣдніе существовали *de facto*, не существуя *de jure*, тогда какъ русскій фильтръ существуетъ и *de facto*, и *de jure*, особенно благодаря объявленію четырехъ свободъ и цѣлому ряду конституціонныхъ „временныхъ“ правилъ, усердно подкрѣпляе-

мыхъ казацкими нагайками, полицейскими кулаками и христолюбивыми штыками и пулями. Чѣмъ можетъ быть при такихъ условіяхъ русское народное представительство, какъ не лжепредставительствомъ,—объ этомъ пусть судятъ сами читатели. Но и это еще не все. Какъ извѣстно, первый конституціонный премьеръ, г-нъ Витте — человѣкъ очень широкаго размаха и „большого прыжка“. За этимъ размахомъ, разумѣется, не угнаться никакому турецкому Фуаду или Мидхату-пашѣ въ примѣненіи даже самыхъ турецкихъ приемовъ воздѣйствія на народную волю. Развѣ былъ-бы способенъ этотъ самый Мидхатъ-паша разсадить по тюрьмамъ, примѣрно на время выборовъ, десятки, если не сотни тысячъ, „непріятныхъ“ или „неудобныхъ“ правительству людей,—и будущихъ депутатовъ, и будущихъ выборщиковъ, и даже будущихъ избирателей? И развѣ онъ дерзнулъ-бы, при пустой-то государственной казнѣ, сыпать цѣлые десятки милліоновъ на устройство тюремъ и на наемъ полицейскихъ и сыщиковъ для обузданія избирателей, еще остающихся на волѣ? Упраздненіе такимъ способомъ цѣлаго ряда однихъ партій и изгнаніе въ подполье другихъ,—это-ли не дѣло, достойное человѣка съ широкимъ размахомъ, которому ни почему ни стомилліонный народъ, ни старушка-исторія съ ея хитрыми и подчасъ даже очень невкусными и каверзными сюрпризами? Какой турецкій Фуадъ или Мидхатъ-паша способенъ былъ бы продѣлать такія штуки и двинуть противъ законовъ элементарной этики и здраваго смысла (даже уже не говоря о законахъ социологіи) цѣлые полки російскихъ мамелюковъ, башибузуковъ и янычаръ, съ пулеметами, пушками и къ нимъ особо приспособленными военными и даже гражданскими судилищами? Такимъ образомъ, если-бы настоящее народное представительство и было даже признано доселѣ объявленными законами, то одной наличности громогласно объявленныхъ конституціонныхъ четырехъ „свободъ“, съ придачей пятой свободы—свободы дѣйствующихъ и злодѣйствующихъ властей, и шестой свободы—ими организованныхъ черныхъ сотенъ,—и къ тому же всѣхъ этихъ свободъ, осуществляемыхъ по турецки, было-бы несомнѣнно вполне достаточно, чтобы свести на нѣтъ какую угодно конституцію. Но російскіе декораторы не удо-

вольствовались даже и этимъ: они продолжили рядъ декораций сихъ еще глубже и дальше и поставили надъ декорацией вышшаго представительнаго учрежденія—Государственной Думой—еще декорацию второй палаты, т. е. „реформированный“ Государственный Совѣтъ, а надъ нимъ конституціонное самодержавіе. Декоративность народнаго представительства еще болѣе выступаетъ впередъ въ новомъ законѣ, обнародованномъ 20-го февраля 1906 г. Врядъ-ли можно сомнѣваться, что подъ этимъ закономъ не подписался бы даже и Мидхатъ-паша, находя такой законъ, по крайней мѣрѣ съ турецкой точки зрѣнія, недостаточно конституціоннымъ. Такимъ образомъ, уже изъ вышеуказаннаго нельзя не видѣть, что въ русской конституціи, за декорацией народнаго *представительства* выступаетъ съ такой же помпой и по тому-же турецкому прототипу декорация народнаго *законодательства*. И правда,—развѣ это не декорация законодательной думы—Дума по закону 20-го февраля, съ ея правомъ одобрять только поднесенныя ей законы и обсуждать ихъ, и даже передѣлывать ихъ какъ ей лишь вздумается, но только подъ тѣмъ условіемъ, что эта ея законодательная работа должна происходить постоянно подъ страхомъ по меньшей мѣрѣ двухъ veto и можетъ быть неодобрена, во первыхъ, государственнымъ совѣтомъ, а во вторыхъ, кромѣ того, верховной властью, и такимъ способомъ будетъ, въ концѣ концовъ, сведена къ нулю? Развѣ это не декорация народнаго законодательства—право обсуждать бюрократическіе проекты безответственныхъ министровъ, фактически не пользуясь правомъ представлять свои собственные? Развѣ не та-же декорация—эта законодательная инициатива Думы, которой господа министры могутъ внимать и не внимать, и это право запроса на который они могутъ давать объясненія и не давать ихъ? И развѣ не къ той-же законосовѣщательной работѣ сводитъ премудрый законодатель всю дѣятельность Государственной Думы по закону 20 февраля, подобно тому, какъ къ ней же сводилась убогая Дума по закону 6 августа, такъ какъ законъ 20 февраля заранѣе лишаетъ Думу даже права обсуждать самый важный вопросъ для ея работы и даже для ея существованія, именно вопросъ о законодательной компетенціи Думы и объ обсужденіи и одо-

бреніи другихъ основныхъ законовъ, висящихъ надъ нею? Вотъ какой споръ могли-бы вести Государственная Дума 17-го октября съ Государственной Думой 20-го февраля.

— Отнынѣ и впредь, могла-бы сказать первая, „никакой законъ не можетъ воспріять силы безъ одобренія Государственной Думы.“

— Да, но... могла-бы отвѣтить вторая, — „починъ пересмотра основныхъ государственныхъ законовъ“ Думѣ не подлежитъ и „во время прекращенія занятій Государственной Думы“ можетъ быть и безъ нея утвержденъ какой угодно законъ, хотя-бы, на примѣръ, законъ объ усиленной охранѣ и военномъ положеніи (и даже законъ объ отмѣнѣ самой Думы), „если чрезвычайныя обстоятельства вызовутъ необходимость въ такой мѣрѣ“. А кромѣ того „въ поясненіи пункта III указа о переустройствѣ Государственнаго Совѣта вѣдь ясно перечислены всѣ вопросы, фактически изъяты изъ вѣдѣнія Государственной Думы“ въ виду передачи ихъ въ особые департаменты изъ назначаемыхъ членовъ, представляющихъ свои рѣшенія непосредственно на высочайшее благоусмотрѣніе“. Дума не должна касаться „какихъ либо дѣлъ, поступающихъ изъ общихъ собраній правительствующаго сената на основаніи учрежденія онаго“, — „а равно дѣлъ по разномысліямъ общаго собранія и съ адмиралтействъ-совѣтомъ“ (пунктъ 17). Еще не должна Дума касаться и щекотливыхъ финансовыхъ дѣлъ по части государственныхъ финансовъ. Такъ на примѣръ, ужъ не ей разсматривать „кассовый отчетъ министра финансовъ и годовые отчеты государственнаго банка и дворянскаго и крестьянскаго банковъ и государственныхъ сберегательныхъ кассъ“, „а также обсуждать размѣры затратъ сихъ учреждений на каждую отдѣльную ихъ операцію въ связи съ имѣющимися для сего средствами“. Не полагается также Думѣ обсуждать и „отчеты Петербургской и Московской ссудной казны при разногласіи относительно утвержденія ихъ между министромъ финансовъ и государственнымъ контролеромъ“ (пунктъ 9) *).

*) Выписка изъ указа приведена въ газетѣ „Русь“ 22-го февраля 1906 г.

— Но вѣдь „никакой законъ не можетъ воспріять силу безъ одобренія Думы“.

— Да, но... кромѣ этого одобренія необходимо еще одобреніе Государственнаго Совѣта и Верховной власти. Никакой законъ не можетъ воспріять силы безъ этихъ трехъ одобреній. Непремѣнно трехъ.

— Выборнымъ отъ народа „должна быть обезпечена возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за законностью дѣйствій поставленныхъ властей“.

— Да, но... въ силу 16 пункта тогоже указа Думѣ вовсе не подлежатъ „дѣла объ отвѣтственности за нарушеніе долга службы членовъ государственнаго совѣта, министровъ, главноуправляющихъ отдѣльными частями, генераль-губернаторовъ и главноначальствующаго гражданской частью на Кавказѣ и о преданіи суду за преступленія по должности прочихъ высшихъ чиновъ, занимающихъ должности первыхъ трехъ классовъ, а также главнокомандующихъ, главныхъ командировъ, командующихъ войсками въ военныхъ округахъ и лицъ, пользующихся равной съ ними властью“. Кто останется „подверженъ суду“ кромѣ этихъ, — ну о тѣхъ еще туда-сюда, о нихъ можно поговорить въ каждомъ случаѣ особо, какъ и о... стрѣлочникахъ. А вообще говоря, никакая Дума не должна смѣть привлекать къ отвѣтственности важныхъ сановниковъ и крупныхъ чиновниковъ. Это вовсе не ея дѣло. Это тоже „основной законъ“.

Изъ этого примѣрнаго діалога явствуетъ, что и за декорацией народнаго законодательства вполнѣ естественно слѣдуетъ декорация отвѣтственности властей и декорация народнаго контроля за государственнымъ бюджетомъ. „Основные законы“, которыхъ Государственная Дума отнюдь не должна касаться, въ свою очередь, будутъ служить декорацией самодержавія г. ви-зиря, гг. министровъ и другихъ важныхъ бюрократовъ; обо всѣхъ этихъ декорацияхъ позаботились заранѣе. Основные законы заранѣе гарантировали ихъ, такъ сказать, и снаружи, и изнутри. Но, не довольствуясь и этимъ, бюрократія сохранила за собой *de facto*, по закону 20 февраля, и почти полный просторъ, въ разрѣшеніи не только законодательныхъ, но и бюджетныхъ вопросовъ, даже безъ внесенія ихъ въ Думу и безъ заключенія

этой послѣдней, а всѣ свои рѣшенія, въ сущности, она, какъ сказано, сдѣлала не только безнаказанными, но и безапелляціонными, такъ какъ отвѣтственность министровъ предъ народными представителями и послѣ учрежденія Государственной Думы фактически не существуетъ вовсе. Турецкіе министры отвѣтственны предъ своей конституціей не въ меньшей и не въ большей степени, чѣмъ русскіе предъ своей. Право запросовъ и интерпелляціи не только по вопросамъ внѣшней политики (для которой оно совершенно отсутствуетъ), но и по вопросамъ политики внутренней, а также обсужденіе торговыхъ и мирныхъ договоровъ тоже не принадлежитъ къ числу правъ Государственной Думы. Но и это еще не все. Одно изъ весьма существенныхъ и наиболее громко выраженныхъ и въ печати, и въ резолюціяхъ, и въ разнаго рода петиціяхъ требованіе о предоставленіи обществу и народу, въ лицѣ его представителей, дѣйствительнаго контроля надъ законностью и цѣлесообразностью управленія и, въ частности, надъ правильностью государственнаго хозяйства, — тоже въ сущности не предоставлено Думѣ. Оно всегда можетъ быть сведено на нѣтъ, отъ него можно то отговориться, то отписаться, а то и отмолчаться, отмѣняя Манифестъ 17 октября, когда какъ удобнѣе. Во всякомъ случаѣ тотъ контроль, который предоставленъ Думѣ, никоимъ образомъ не можетъ быть названъ дѣйствительнымъ. Правда, Думѣ предоставляется право просить, въ извѣстныхъ случаяхъ, о сообщеніи (изъ милости) нѣкоторыхъ свѣдѣній, но и это право, въ конечномъ результатѣ, сведется къ тому, чтобы въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по примѣру Турціи, „доводить о такихъ дѣйствіяхъ до свѣдѣнія“ Верховной власти, которой, какъ это извѣстно изъ всеподданнѣйшихъ докладовъ государственнаго контролера и министровъ, и всегда дѣлались донесенія о наиболее громкихъ злоупотребленіяхъ. Такимъ образомъ, и въ этомъ послѣднемъ смыслѣ Государственная Дума, при современныхъ условіяхъ и въ ея теперешнихъ рамкахъ, даже при всемъ желаніи, врядъ-ли сможетъ внести въ русскую государственную жизнь что-нибудь дѣйствительно новое, свѣжее, крупное. Для пущей гарантіи безотвѣтственности и безконтрольности всевластной бюрократіи, къ „конституціоннымъ“

законамъ могутъ въ случаѣ нужды притти на помощь во всякое время еще законы „чрезвычайные“, опирающіеся на тѣ-же „основные“. Получается въ результатъ крайне трогательный союзъ „основъ“ и „чрезвычайностей“, отъ котораго у русскаго обывателя иной разъ стынетъ даже и кровь въ жилахъ.

Вышесказаннаго, полагаемъ, вполне достаточно, чтобы лишній разъ подчеркнуть поразительную аналогію не только въ происхожденіи, но даже и въ самой постановкѣ двухъ родственныхъ конституцій. Декорація широко задумана (для декораціи) и смѣло и беззапѣчиво устроена. Всѣ русскіе подданные, весь міръ приглашаются полюбоваться ею, но кто же изъ смертныхъ приглашается усиленнѣе всѣхъ другихъ? И кто изъ смертныхъ всѣхъ интереснѣй и всѣхъ желаннѣй для правительства на этомъ все-народномъ русскомъ представленіи? Разумѣется, иностранные банкиры и другіе бывшіе, настоящіе и будущіе кредиторы россійской бюрократіи и наполовину рухнувшаго режима. Народу—представленіе, народу — декорація, а режиму и бюрократіи — новый внѣшній (или внутренній) государственный заемъ. Въ Турціи декорація требовалась для улаженія финансовыхъ затрудненій и для заключенія займа и лишь на время его заключенія. Въ этомъ отношеніи русская декорація ничѣмъ не отличается отъ турецкой и даже превзошла ее своею... беззапѣчивой лубочностью.

Описывать дальнѣйшія театральныя ухищренія въ деталяхъ мы не будемъ. При такой юридической и фактической обстановкѣ, какая обрисована выше и которая хорошо извѣстна всѣмъ россійскимъ обывателямъ, врядъ-ли можно сомнѣваться, чѣмъ можетъ быть и чѣмъ разумѣется будетъ, при содѣйствіи „не-конституціонныхъ властей“, россійская Государственная Дума, и чѣмъ будетъ ея гробовая крышка—Государственный Совѣтъ—при условіи, что крышка этой крышки—самодержавіе бюрократіи—всѣмъ хорошо извѣстна. Также можно-ли сомнѣваться, что въ числѣ народныхъ депутатовъ будетъ хоть кто-нибудь такой, кто не похожъ на турецкихъ „эветъ-эффенди“? Но если и будутъ въ Думѣ „по случаю“ и таковыя, то не заглухнутъ-ли ихъ голоса въ сонмѣ этихъ эветовъ, а думское меньшинство честныхъ и здравомыслящихъ людей не послужитъ ли и въ

свою очередь декораціей для черносотенныхъ и иныхъ эветовъ, облагораживая своимъ присутствіемъ въ Думѣ далеко не красивыя вождельнія и происки казенныхъ и иныхъ „искателей“? И не обрекается ли на закланіе самими законами несчастная русская конституція, а такъ называемое всероссійское народное представительство—на то, чтобы оно сдѣлалось самымъ обыкновеннымъ россійскимъ „административнымъ самоуправленіемъ“ въ турецкомъ духѣ, конституціей земскихъ начальниковъ, исправниковъ и жандармовъ съ графомъ Дорреромъ и съ Грингмутомъ на придачу? Во всякомъ случаѣ, декоративный характеръ Государственной Думы прочно гарантируется. Но и такого сорта декорація, какъ нѣчто кой кому опасное, кромѣ того, искусственно и вполне по-турецки отгораживается отъ посторонняго, т. е. обывательскаго глаза, словно этимъ обывателямъ, какъ и райѣ, нѣтъ и не можетъ быть никакого дѣла до того, что говорятъ, что умышляютъ и что дѣлаютъ для нихъ и на ихъ счетъ тѣ люди, которымъ придано громкое названіе *народныхъ* представителей. Новый законъ дѣлаетъ засѣданія Государственной Думы, въ сущности *непубличными* и замѣняетъ дѣйствительную гласность ея суррогатомъ, что, при несомнѣнной наличности продолжающей благополучно существовать цензуры нѣсколькихъ вѣдомствъ (принципіально говоря, недалеко ушедшей отъ турецкой и къ тому же охраняемой судебнымъ вѣдомствомъ), не говоря уже о цензурѣ гг. типографщиковъ, не можетъ не привести, въ концѣ-концовъ, къ тому, что россійскій обыватель или совершенно не будетъ знать того, что происходитъ въ стѣнахъ Думы, или будетъ знать лишь отрывки, или, что еще того хуже, вмѣсто точныхъ и безпристрастныхъ отчетовъ обо всемъ происходившемъ, получитъ въ газетѣ нѣчто въ родѣ фальсификаціи официальнаго свойства, имѣющей очень мало общаго съ дѣйствительностью. При помощи такого рода приѣма, довольно широко практикуемаго и въ настоящее время при фабрикаціи такъ-называемыхъ „официальныхъ сообщеній“, которыя, какъ извѣстно, обыкновенно (напр. по поводу житомирскаго погрома) вызываютъ официальное же опроверженіе,—къ декораціи Государственной Думы присоединится еще одна декорація, такъ сказать, для украшенія укра-

шеній и для фальсификаціи фальсификацій. Но и это еще не все. Бюрократія, въ полное вѣдѣніе которой новый законъ вручается такъ-наз. народныхъ представителей, имѣетъ полное право не печатать о засѣданіяхъ Думы *motu proprio* вовсе никакихъ отчетовъ, т. е. и за стѣнами Думы, любой вопросъ, надъ келейнымъ разрѣшеніемъ котораго, въ смыслѣ подаванія благихъ совѣтовъ, будутъ въ это самое время усердно трудиться выборные члены Думы, въ надеждѣ, что эти ихъ совѣты, авось, не попадутъ подъ сукно... Во всякомъ случаѣ, превратить Государственную Думу въ турецкое учрежденіе, усердно охраняемое и полицейско-казацкой уздой, и канцелярской тайной, — для правящей бюрократіи ровно ничего не стоитъ, оставаясь даже на почвѣ и нынѣ дѣйствующихъ законовъ или „келейныхъ докладовъ“, и не прибѣгая къ другимъ, весьма излюбленнымъ бюрократическимъ способамъ воздѣйствія, въ родѣ изданія несогласованныхъ съ законами циркуляровъ, широко толкующихъ или, просто-напросто, нарушающихъ и игнорирующихъ законъ, или отмѣняющихъ его путемъ изданія какого-нибудь новаго постановленія или распоряженія, сдѣланнаго не въ обычномъ законодательномъ порядкѣ, а въ иномъ, хотя бы и не предусмотрѣнномъ нѣкоторыми статьями основныхъ законовъ Россійской имперіи, о сохраненіи которыхъ въ неизбѣжномъ видѣ заботится и законъ 20 февраля. Напомнимъ кстати, что самое обсужденіе закона о народномъ представительствѣ велось именно въ томъ келейномъ и бюрократическомъ порядкѣ, „исправлять“ который, какъ извѣстно, лежало на обязанности сабуровской комисіи, уже осудившей этотъ самый порядокъ.

Здѣсь умѣстно отмѣтить еще одно азіатское преимущество русской конституціи передъ турецкой: Государственная Дума не только представляетъ собой декорацию народнаго представительства, но эта декорация въ любой моментъ, по любому поводу можетъ быть отмѣнена, а въ лучшемъ случаѣ измѣнена правящей бюрократіей въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ заблагоразсудится измѣнить ее этой послѣдней, — стоитъ только самые важные законы, пріятные гг. російскимъ бюрократамъ и російскимъ аграріямъ и К^о проводить „особымъ порядкомъ“, — въ каникулярное время, когда Дума „отдыхаетъ“: по закону 20 фе-

враля даже самые „щекотливые“ законы имѣютъ, такъ сказать, право существовать и при Думѣ цѣлыхъ два мѣсяца, а когда станетъ истекать и этотъ срокъ, можно распустить и Думу, тоже по „основному закону“, разумѣется если въ обществѣ и народѣ не встрѣтятся къ этому никакихъ препятствій. Оно и понятно. Во первыхъ, „сферы“ считаютъ російскую конституцію, какъ извѣстно, вовсе даже не взятой, а *данной*, а то, что дано, можетъ быть и взято. А во вторыхъ, коренныя реформы конституціи и по сей день остаются въ рукахъ авторовъ основныхъ законовъ; во всякомъ случаѣ, съ юридическими препятствіями для такого рода перемѣнъ русская бюрократія, какъ и турецкая, можетъ совершенно не считаться. Всѣ прерогативы, необходимыя въ данномъ случаѣ, и теоретическія, и фактическія, она, по примѣру „деветовъ“, старательно сохранила за собой и по закону 20 февраля. И при наличности Государственной Думы, какъ и безъ нея, русская бюрократія, какъ и турецкая, остается полнымъ хозяиномъ въ государствѣ. Чтобы еще полнѣе гарантировать себя даже и отъ декораций народнаго лжепредставительства, она, какъ сказано, своеобразно передѣлываетъ высшее бюрократическое учрежденіе — Государственный Совѣтъ, а Государственной Думѣ отводитъ, по отношенію къ нему въ сущности подчиненное и зависимое положеніе. Такимъ образомъ, изъ всего высказаннаго о Государственной Думѣ (а въ этой небольшой брошюрѣ сказано о ней гораздо меньше того, что о ней можно было бы сказать) нельзя не сдѣлать знаменательнаго, хотя и довольно печальнаго вывода: законъ 20-го февраля, умалчивающій о четырехъ свободахъ и вмѣсто нихъ преподносящій цѣлыхъ два veto, законъ, сводящій на нѣтъ манифестъ 17 октября, создалъ для русскаго народа не учрежденіе народнаго представительства, а лишь декорацию его, и эта декорация создана отнюдь не случайно, а вполне сознательно и преднамѣренно, какъ безусловно соответствующая намѣреніямъ ея авторовъ, обходящихъ такимъ способомъ и даже уничтожающихъ, упраздняющихъ непріятныя осеннія обѣщанія.

Впрочемъ, что такое это 17-го Октября, — день, который его враги называютъ уже днемъ пріятныхъ ожиданій и обѣ-

щаний? Это такая же бумажная конституция, какъ и та, которую когда-то сочинилъ для своихъ вѣрноподданныхъ султанъ турецкій. Это такой же самый историческій документъ, который въ скрытой формѣ старается обѣщать, ничего не давая, и брать назадъ даже свои собственныя обѣщанія; это такой документъ, который, давая силу законодательнымъ „одобреніямъ“ Думы, упорно молчитъ о томъ, что не все, одобренное Думой, будетъ одобрено бюрократіей, авторомъ бумажной конституціи. Такимъ образомъ, намѣренія авторовъ учрежденія Государственной Думы въ сущности, принципиально не отличаются отъ намѣреній авторовъ и конституціи турецкой, которымъ также нужны были, тридцать лѣтъ тому назадъ, и орудіе для добыванія денегъ, и декорация народнаго представительства, а не оно само, какъ таковое, съ тою только разницей, что турецкіе авторы, создавая свою конституцію, обладали (въ теоріи, но не на практикѣ) еще большей широтой взглядовъ и большимъ размахомъ и большей смѣлостью на бумагѣ, чѣмъ русскіе: въ теоріи Мидхатъ-паша вѣдь не побоялся взять своимъ образцомъ конституцію бельгійскую, — не побоялся, такъ сказать... науки государственнаго права, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени... Что касается до русскихъ авторовъ, въ этой самой наукѣ они увидѣли своего рода „металлъ и жупель“ и постарались стать отъ нея подальше, — за предѣлами недосягаемости... Турецкіе „конституцію на листы“, какъ ни какъ, формулировали въ своемъ юридическомъ сочиненіи принципы дѣйствительнаго представительства, тогда какъ авторы российской конституціи, соблюдая свято весьма сомнительную легенду объ исключительно совѣщательной роли старинныхъ земскихъ соборовъ и блюдя очень даже выгодное для нихъ сохраненіе „основъ“, а кромѣ того свято соблюдая и черезчуръ ужъ для нихъ удобныя традиціи бюрократіи, сочли для себя неудобнымъ формулировать даже принципъ представительства, потому что и самая формулировка его, и его гласное заявленіе 17-го Октября оказалось очень опаснымъ для ихъ спокойствія. Что касается манифеста 17-го октября, то, какъ уже было упомянуто, и онъ кое-что оставилъ „про себя“, а еп. Антонинъ получилъ даже замѣчаніе за единственно логическое истолкованіе его, въ смыслѣ упраздненія самодержавія.

Видно, логикѣ до манифеста никакого дѣла нѣтъ, что, впрочемъ, видно, и по законодательнымъ и другимъ официальнымъ актамъ конца 1905 и начала 1906 года, по подвигамъ официально организованной и еще болѣе официально благословенной (если вѣрить газетѣ „Объединеніе“) черной сотни, по подвигамъ генераль-адъютантовъ-усмирителей, и по арестамъ „неприкосновенныхъ гражданъ“ и т. д. и т. д. Но вотъ на что слѣдуетъ всетаки обратить вниманіе. Какъ ни какъ, предъ лицомъ быстро растущаго общественнаго и народнаго сознанія, хроническихъ фабрично-заводскихъ и аграрныхъ волненій, безработицы и голодовки, при глубокомъ недовольствѣ самыхъ разнообразныхъ и широкихъ слоевъ населенія, глубокомъ и массовомъ озлобленіи, загнанномъ куда-то въ глубину и внутрь, — страхъ передъ быстро приближающимся будущимъ, несомнѣнно игралъ весьма замѣтную роль и въ выработкѣ закона 6-го Августа, и манифеста 17-го Октября, и даже закона 20-го Февраля — тотъ самый страхъ, который, съ одной стороны, заставилъ дать Государственную Думу, а съ другой — помѣшалъ ясно, точно и смѣло формулировать тотъ самый принципъ, который только одинъ и могъ вдохнуть душу живу во вновь возникающее учрежденіе. Всѣ эти акты написаны бюрократіей, несомнѣнно, подъ страхомъ не только за свое благополучіе, за свою власть, но даже и за свою жизнь. Занимаясь казеннымъ сочинительствомъ, авторы ихъ думали прежде всего объ одномъ — оградить себя отъ отвѣтственности передъ народомъ и обществомъ отъ напора жизни. А отсюда слѣдуетъ, что Россія ужъ вовсе не Турція, — и потому, чуя это, русскіе авторы историческихъ документовъ съ большей опаской глядятъ въ будущее, чѣмъ глядѣли авторы турецкіе. Жизнь формулируетъ свои принципы ясно, смѣло и рѣшительно, и въ этомъ-то и заключается глубокое и существенное различіе русской Государственной Думы отъ турецкой конституціи. Пока гг. Булыгины, Витте, Дурново и К^о сочиняли свои сочиненія, жизнь уже успѣла сказать свое слово. Абдулъ-Гамидъ, подписывая конституцію, былъ совершенно правъ, не придавая ей никакого значенія и руководясь извѣстнымъ восточнымъ принципомъ, что то, что дано, можетъ быть и взято. Авторы закона 6-го ав-

густа, 17-го октября и 20 февраля волей-неволей должны уже были руководиться нѣсколькими иными соображеніями.

Здѣсь мы не можемъ не напомнить знаменитыхъ словъ того же Лассалья:

„Конституціей страны является фактическое соотношеніе ея общественныхъ силъ... Тамъ, гдѣ писанная конституція находится въ соотвѣтствіи съ реальными, фактическими соотношеніями силъ, тамъ не можетъ случиться, чтобы какая-либо партія стала цѣпляться за свою писанную конституцію. (Въ нашемъ случаѣ — за „сохраненіе основъ“). Тамъ, гдѣ такой кличъ раздается, онъ является вѣрнымъ и несомнѣннымъ признакомъ того, что онъ — крикъ опасенія, страха, что въ писанной конституціи (въ данномъ случаѣ — основныхъ законахъ) есть нѣчто такое, что противорѣчитъ дѣйствительной конституціи, реальному соотношенію силъ. Тамъ-же, гдѣ такое противорѣчіе существуетъ, писанная конституція безвозвратно потеряна, и никакой богъ и никакіе крики неспособны спасти ее. Правительство ни въ какомъ случаѣ не можетъ стать въ явное и открытое противорѣчіе съ внутреннимъ состояніемъ общества. Но если правительство все-таки захочетъ сдѣлать это, если оно станетъ править страной самодержавно, тогда убѣдятся сомнѣвающіеся, ожесточатся индифферентные, и все общество превратится въ организованный заговоръ противъ него, и правительству останется только заняться астрологіей, чтобы по звѣздамъ вычислить день и часъ своего паденія“ (Лассаль, „Сущность конституціи“. Изд. „Молотъ“). Врядъ-ли нужно доказывать, что современная русская дѣйствительность знаменуетъ собою прежде всего перетасовку общественныхъ силъ. Распределеніе этихъ послѣднихъ измѣнилось, и все продолжаетъ измѣняться на нашихъ глазахъ. Вся Россія раздѣлилась на два лагеря: правительство, какъ организованное меньшинство, и рядомъ съ нимъ — неорганизованное, но быстро организующееся большинство, трудящіеся классы, — трудовое крестьянство, рабочій пролетаріатъ, интеллигенція, среди которыхъ идетъ дальнѣйшая дифференціация и группировка силъ, направленій и теченій. Меньшинство опирается на физическую силу и на традиціи прошлаго, которое давно изжило свой вѣкъ

и умѣетъ говорить лишь изъѣзженныя слова дряхлымъ, старческимъ голосомъ, который уже не находитъ отголоска въ отзывчивыхъ сердцахъ массы, переставшей ему довѣрять. Большинство требуетъ признанія своихъ человѣческихъ правъ, — и прежде всего права самаго широкаго самоопредѣленія, самой широкой гражданской и политической свободы, совершенно замалчиваемой новыми, російскими „конституціонными“ законами. На этомъ требованіи сходятся всѣ прогрессивныя теченія, безъ различія ихъ соціально-экономическихъ взглядовъ. Меньшинство, идущее въ разрѣзъ съ этими всеобщими требованіями, хотя еще и держащее въ своихъ рукахъ механизмъ управленія, войско, судъ и государственную казну, съ каждымъ днемъ все больше и больше лишается той реальной общественной почвы, на которую оно могло бы опираться. Каждый день приноситъ все новые и новые факты, доказывающіе прогрессивное разложеніе меньшинства и ростъ и быстро растущую силу большинства. Никакіе штыки, нагайки и даже пулеметы, и даже инквизиціонныя пытки и драгонады, еврейскіе и армянскіе погромы, и всѣ подвиги черной сотни и даже разстрѣлы, въ административномъ порядкѣ, людей безоружныхъ и невинныхъ, и казни дѣтей за вину отцовъ, издѣвательства надъ беззащитными и изнасилованія дѣвочекъ и другіе ужасы времени Ивана Грознаго и Бирона не могутъ остановить этого роста. Это — явленіе стихійное, а потому здѣсь не можетъ быть и рѣчи о возможности задержать народъ и исторію бѣлымъ и синимъ терроромъ, передъ которымъ меркнутъ всѣ ужасы краснаго террора. Страхъ не можетъ свить себѣ мало мальски прочнаго гнѣзда въ массахъ, — ему мѣсто только въ бюрократическихъ дворцахъ гг. „конституціонныхъ“ законодателей. При такихъ условіяхъ, никакимъ декораціямъ народнаго представительства не можетъ быть мѣста, потому что жизнь идетъ явочнымъ порядкомъ, и нѣтъ уже никакихъ силъ, которыя могли бы остановить ее, застопорить, заглушить, придавить. Этотъ явочный порядокъ захватываетъ все болѣе и болѣе широкія области человѣческой жизни. Она властно требуетъ для себя новаго русла. Она дѣлаетъ все новыя и новыя завоеванія. Нигдѣ такъ ярко не видна слабость самой

безшабашной, безпринципной и беззащитной реакціи, какъ въ томъ фактѣ, что она должна проливать цѣлые потоки крови, и заливать огнемъ и слезами цѣлыя губерніи и столицы, и все это только для того, чтобы лишь замедлить на короткое время естественный ходъ вещей. Съ 6-го августа жизнь уже сдѣлала гигантскія завоеванія. Она съ непреоборимой силой расширяетъ тѣсныя рамки, которыя ей отводились до сихъ поръ. Если ее не удовлетворяетъ какой либо писанный, келейно сочиненный господами бюрократами, законъ,—она создаетъ свой собственный тѣмъ же явочнымъ порядкомъ. Уже теперь она грозитъ миллионами голосовъ передѣлать и законъ 6-го августа, и законъ 20 февраля такимъ же способомъ. И въ этомъ-то и заключается глубокое различіе между давно забытой и неосуществившейся турецкой конституціей и русской Государственной Думой. Эта послѣдняя въ ея теперешнемъ видѣ будетъ забыта такъ же, какъ и турецкая конституція, съ тою только разницей, что на мѣсто послѣдней снова воцарился турецкій абсолютизмъ, выражавшій собою реальное соотношеніе силъ, а на мѣсто булыгино-виттевской Государственной Думы, въ силу того-же реального соотношенія, несомнѣнно, станетъ въ ближайшемъ будущемъ истинно-народное представительство,—представительство трудящагося народа, основанное на всеобщемъ, равномъ, прямомъ и тайномъ избирательномъ правѣ. Порукой этому можетъ служить тотъ основной фактъ, что при всемъ сходствѣ взглядовъ на народное представительство, какое отмѣчаетъ безпристрастная исторія у русскихъ и турецкихъ *государственныхъ людей*, наблюдается глубокое и коренное различіе въ отношеніяхъ къ нему со стороны русскаго и турецкаго *народа*.